М. Ларина

Когда мы были взрослыми

М. Ларина

Когда мы были взрослыми

«Научная книга»
2013

Ларина М.

Когда мы были взрослыми / М. Ларина — «Научная книга», 2013

Вашему вниманию представлена приключенческая история друзей-школьников, случайным образом ставших обладателями волшебных леденцов, которые позволяют мгновенно повзрослеть.

© Ларина М., 2013
© Научная книга, 2013

Содержание

Однажды в студеную зимнюю пору… 5
Глава 1. Две стороны одной медали 27
Плюс-минус двадцать лет 27
Без детства жить нельзя на свете, нет… 39
Глава 2. О друзьях-подругах 43
Как быть своим в любой компании 43
Друзья противоположного пола – это реально? 55
Мои враги – мое несчастье 65
Конец ознакомительного фрагмента. 72

М. Ларина
Когда мы были взрослыми

Однажды в студеную зимнюю пору…

– Кирилл? Ты встанешь, наконец? – чьи-то руки бесцеремонно стягивали одеяло, а вместе с ним – остатки сна с отчаянно сопротивлявшегося худого парня.

– Ты же опять школу проспишь! – Это была мама, как всегда по утрам непреклонная. – Ну тебя, в самом деле… Хочешь, чтобы я Твое Высочество водой окатила?

При слове «вода» у Кирилла забегали мурашки по коже и весь сон будто сдуло.

– Да ладно, мам, я уже… встаю! – это слово он произнес, как приговор самому себе.

Кирилл нащупал ногами тапочки и встал, протирая глаза.

– Сегодня ведь пятница, мам?

– Да, если ты еще не научился разбираться в календаре. После четверга – всегда пятница! – мама недоверчиво разглядывала рубашку сына, как будто на ней имелось еще что-то, кроме пятен.

– Ты что, об нее руки вытираешь?

– Не-а, руки – это Борис вытирает, он у нас чистюля, кинозвезда.

– Тогда ты кто? Пещерник? – мама скептически оглядывала комнату. – Ты вообще-то помнишь, где у тебя что лежит?

– А как же! Помню, вон там, под журналами – две тетрадки по английскому, а где-то еще учебник, – Кирилл пребывал в отвратительнейшем настроении, так как сегодняшний день не сулил ничего хорошего. Будущая контрольная по русскому языку рисовалась ему в жутких красках.

Было слышно, как по кухне вышагивал отец, о чем-то разговаривая с сестрой и чиркая спичками.

– Мам, ты меня только не торопи, у нас сегодня первый урок – пустой. Кошкалда опять заболела.

– Что-то часто она болеть стала, ваша Кошкалда. Как пятница, так она у вас хворая! – мама глядела на Кирилла таким испытующим взглядом, что в его душу убежденного и опытного прогульщика закралось сомнение: а не знает ли она, что Кошкалда, их «англичанка», уже давно ждет, когда кто-нибудь из Кирилловых предков заглянет в школу? Каждый раз Кирилл обещал, что его сильно занятые мама и папа вот-вот навестят учительницу, чтобы она поведала им об успехах сына. Кирилл молча отправился в темную ванную, чуть не придавив дверью их любопытного пуделя Ганнибала, вечно путающегося у кого-нибудь под ногами.

Ганнибал (и кто только придумал псу такое имя!) был поистине странным четвероногим существом. Он страшно боялся стрижки и потому, обросший, не пользовался авторитетом у породистых аристократов. Сквозь длинную шерсть Ганнибала глядели очень живые глаза, черные, как у южан. Пес ничего и никого не боялся, любил шоколад и вдохновенно дрался со всеми дворнягами.

Сейчас он, сидя у открытой двери, понимающе глядел на умывающегося Кирилла и даже как будто подмигивал: «Туго, брат Кирюха? Я-то, конечно, хоть и собака бессловесная, но понимаю тебя оч-чень хорошо! При нашей-то собачьей жизни все разумеешь, только вот помочь хозяину ничем не можешь!»

Кирилл стряхнул с носа капли воды и по-хозяйски прошел на кухню.

Там уже что-то клевала его сестра Анна, которую он любил называть Анкой-пулеметчицей и наблюдать потом, как лицо ее начинает приобретать помидорный цвет от переполняющей ее обиды.

– Привет, батя! Ты что-то рано сегодня, опять командировка? – Кирилл разглядывал свою яичницу, как будто сомневаясь в ее съедобности. – Вчера у Борьки опять кто-то плейер спер, прямо на перемене. Он уже третий в школу притаскивает, а у него их прямо из-под носа и тырят. Наша классная всех собрала, стала на честность давить, мол, признайтесь, кто этого ловкача видел?

– И что дальше было? – Анька жутко любила подобные истории, она засматривалась сериалом «Улица разбитых фонарей» и в такие минуты ее вообще было невозможно оттащить от экрана – здорово упоительными казались ей приключения худого и длинноносого опера. – Нашли свидетелей?

– Нашли, как же! – Кирилл все-таки начал есть яичницу. – До Борькиного плейера никому дела нет, и вообще – мне лично жалко, что у него их только три свистнули. Борька – урод, каких мало! Все, Анька, мотай в школу и мне завтракать не мешай!

Сестра начала размешивать ложечкой сахар и как-то странно посмотрела на Кирилла:

– Ко мне вчера бабка какая-то подходила, конфетами хотела угостить. Я испугалась и не взяла, а ты бы взял?

– Ну еще бы, конечно! Старая карга их, наверное, для нас и бережет – зубы-то давно выпали! Потом и у тебя от ее конфет что-нибудь бы отвалилось.

Отец молча прислушивался к их болтовне, готовя себе замысловатый бутерброд. Пудель Ганнибал сидел на середине кухни, являя собой образец воспитанной собаки. Но, увы, его, как всегда, ожидала только тарелка со вчерашним супом.

– Итак, у тебя сегодня ответственный день? – отец вступил в разговор. – Я освобожусь пораньше и зайду к концу занятий – погляжу, как и что у тебя в школе. – У Кирилла чуть не выпала из рук вилка, но он выдержал подобающую паузу и небрежно уронил:

– Как знаешь, папа. Классная всегда до вечера тетради проверяет – вот и поговоришь.

В это время о стекло звонко ударился камешек.

– О, это Колян, я пошел! – Кирилл выскочил из-за стола и устремился за школьным рюкзаком. Через несколько секунд он был уже на улице и, выдыхая морозный пар, шумно здоровался со своим закадычным другом.

Ребята зашагали по снегу к своему излюбленному местечку – проулку между двумя кирпичными гаражами, в одном из которых хозяин – Колькин отчим – обнаружил недавно вместо своей машины зияющую пустоту.

– Давай сегодня не пойдем на английский, Кошкалда на меня зверем смотрит, – предложил Колька.

– Ага, а мой батя сегодня в школу собирается зайти, вот она ему все и выложит.

– Как будто ты мало ее уроков прогулял! На прошлой неделе мы из игральных автоматов не вылаезали, когда ко мне отец приезжал, помнишь?

– Помню. Он тебе еще часы подарил. – Кирилл взял Колькину руку и задрал рукав: – Ходят-то точно? – На запястье друга поблескивали новенькие «Сейко» с опаловым циферблатом.

– Секунда в секунду, – Колька часто и с любопытством вглядывался на уроках в размеренный бег секундной стрелки. Остальные ребята – обладатели простеньких китайских подделок – втихаря Кольке завидовали и подходили к нему на переменах сверять часы.

– Все равно мы уже опоздали, пошли лучше пиццу есть, – Колька не изменял любви к этому блюду и душой был уже в маленькой уютной кондитерской возле их дома.

– У тебя сколько денег? – Кирилл терпеть не мог задавать такие вопросы, но деньги у него бывали редко, так как мама всегда снабжала его в школу домашним завтраком.

– На пиццу хватит. Вчера предки опять меня на семейное обсуждение вынесли: мол, куда я качусь и все такое. Отчим, зануда, всегда ящик выключает, когда по MTV Бивиса и Баттхеда показывают, я в следующий раз к тебе приду смотреть, хорошо?

– Приходи, да только сдается мне, что меня на выходные вообще от телевизора отлучат – после того как отец в школу сегодня сходит.

– Точно, прищучат тебя предки, Пельмень! Будешь все воскресенье над учебниками глохнуть, – Колька внезапно разбежался и стремительно покатился по накатанной до блеска ледяной дорожке, но в самом конце неловко взмахнул руками и шлепнулся на утоптанный снег.

– Я все равно зайду – может, обойдется?

– Не, прищучат, – Кирилл смотрел, как его друг, стоя на коленях, вытряхивет снег из перчаток и заботливо сдувает его с драгоценных часов.

– Пошли, куда собирались. Если ты еще пару раз упадешь, мне твои кости на себе придется тащить!

Друзья добрались, наконец, до входа в заветную кондитерскую, но там на дверях красовалась лаконичная табличка: «Закрыто». Кирилл потоптался на ступеньках и насмешливо посмотрел на друга:

– Не приготовили сегодня для тебя пиццу! Куда двинем?

– А давай ко мне – предки, наверное, уже ушли. Бабуля не в счет, мы ей по ушам проедем – мол, учимся сегодня во вторую смену и все такое прочее, – Колька, большой поклонник Бивиса и Баттхеда, иногда начинал подражать манере разговора двух легендарных недотеп с MTV, что очень не нравилось его строгим родителям.

– А что она у тебя днем делает? Мух бьет?

– Да какие мухи зимой? Она сериалы смотрит про любовь и слезы, и сама тоже плачет, когда кто-нибудь лыжи отбросит.

– Колян, эти фильмы все мексиканские, ты видел хоть кого-нибудь в Мексике на лыжах? – Кирилл решил разыграть друга, изображая непонимание.

– Ну, это так говорят, когда кто-то внезапно умрет или повесится. Я-то их не смотрю, а вот бабуля – каждый день прямо по часам телек включает.

– А MTV она у тебя смотрит? – внезапно Кириллу представилась старенькая Колькина бабушка – фанатка Мэрилин Мэнсон, ночи напролет поедающая чипсы перед экраном телевизора, бросающим на нее виртуальные сине-красные отсветы.

– Нет, MTV она не смотрит, я бы прикололся, если б смотрела!

Мальчишки весело шагали по многолюдной уже улице. На автобусной остановке теснилась молчаливая толпа народа.

– М-да, – Кирилл, раскрасневшийся после быстрой ходьбы, зорко огляделся по сторонам, – похоже, сегодня не наш день.

– Точно. Моя мать в таких случаях говорит – черная полоса.

– Слушай, Колян, давай в кино, на утренний сеанс – там по утрам бесплатно, – Кириллу почему-то захотелось оказаться сейчас в темноте зала, на последнем ряду, где пахнет табачным дымом и валяются пустые банки из-под пива.

– Да чего там смотреть, – Колян с презрением относился к кинотеатрам, предпочитая всем развлечениям компьютерные игры, – опять Годзиллу?

– Ну, хоть бы и Годзиллу! А что – они, наверное, уже новую серию крутят.

– Ну и что в ней интересного, в этой Годзилле? Какой-то урод по улицам ходит и машинами швыряется – только первоклассникам и глядеть! Не, я в кино не пойду, хочешь – обижайся, хочешь – нет!

– Чего мне на тебя обижаться, я эту Годзиллу уже два раза видел. Думал, просто время проведем, покурим… – внезапно Кирилл замолчал и, как-то сразу ссутулившись, потащил Кольку в середину толпы. – Смотри – видишь, вдоль ограды идет?

– Да кто идет-то, дурак? Что ты мне в куртку вцепился, как клещ, – Колька недоуменно крутил головой, не успевая за другом, который сноровисто пробирался в самую гущу запорошенных снегом людей. – У тебя глюки, да?

– Да лучше бы глюки! Вон, рядом с афишей… Чего она остановилась? – Кирилл выглядывал из-за столба, облепленного объявлениями, а Колька на всякий случай укрылся за габаритным дядькой в замызганном пуховике.

– Теперь видишь?

– Ага, еще бы! Кошкалда, я ее и в противогазе узнаю! Как ты думаешь, почему она не в школе?

– Откуда мне знать! Слушай, а давай за ней посечем – ведь не узнает.

– Вообще-то мы ко мне собирались – или ты раздумал? – рассеянно спросил Колька, неотрывно наблюдая за учительницей английского, которая зябко поводила плечами, стоя в стороне, возле афиши с изображением какого-то народного хора.

– Нет, не раздумал, просто я по натуре – шпион. Как Рихард Зорге!

– Дурак ты в натуре, вот кто! Мы сейчас запросто можем в школу успеть, если Кошкалда не на уроке. Ты же сам утром говорил, что за тобой батя после занятий зайдет!

– Фиг с ним, с моим батей! Он сначала говорит, а потом его в какие-нибудь командировки посылают – суток на двое!

Кирилл почувствовал настоящий охотничий азарт – ему во что бы то ни стало хотелось узнать, почему их учительница английского ждет на заснеженной улице запропастившийся куда-то автобус, вместо того чтобы писать на доске артикли и требовать от учеников правильного произношения всем осточертевших зубных звуков.

Колян во время этого диалога продолжал смотреть на «англичанку» так, как будто хотел превратить ее в камень или испепелить.

Но учительница не окаменела и не превратилась в дым, а внезапно двинулась прямо к остановке – подъезжал желтый «Икарус»-гармошка, и ребятам пришлось вместе с другими пассажирами нырять в открывшиеся перед ними двери.

В автобусе было тепло и тесно, и Кирилл с Колькой, уткнувшись носами в заиндевевшее стекло, зорко косились на издалека заметное красное пальто учительницы.

– Как ты думаешь, далеко она едет? – Колян продышал в изморози овальную дырку и наблюдал за обгоняющими их грязными легковушками. – Вдруг ей захочется до конца маршрута прокатиться? Там она нас и засечет – народу-то ведь почти не будет!

– Что ты все ноешь? Хочешь, иди в школу или домой – там, кстати, тебя давно бабка дожидается, небось, одной скучно перед ящиком-то рыдать! Вот вы вместе и оторветесь, – Колькины сомнения раздражали Кирилла, и ему хотелось задеть товарища не только словами – пихнуть в бок локтем или толкнуть.

– Смотри-ка, она вроде выходить собралась, – Колян не обращал никакого внимания на распалившегося друга, – давай по-быстрому к дверям толкаться!

Ребята пробрались к выходу как раз в тот момент, когда толпа пассажиров повалила наружу через распахнувшиеся створки дверей.

Оказалось, проехали они всего лишь одну или две остановки. Кирилл увидел красное пальто Кошкалды уже на другой стороне улицы.

«Летает она, что ли?» – подумалось мальчику, но он не успел ничего сказать, так как Колька уже ввинтился в поток машин, таща за собой Кирилла, как глупого трехлетнего ребенка: то останавливая его рукой, то подталкивая в нужном направлении.

– Слушай, может, она к тебе или ко мне топает, – Колька высказал предположение, которое только что пришло в голову и Кириллу, – с подарочком для предков, а?

Наконец они выскочили на тротуар и, пригнувшись, побежали за изрядно удалившейся фигуркой учительницы.

Дорога была хоть и посыпана песком, но скользкая, и Кирилл ухитрился несколько раз подряд растянуться прямо под ноги каким-то проходящим теткам. Они сочувственно кивали головой, обходя пацана с рюкзаком, а одна, самая сердобольная, помогла Кириллу в очередной раз подняться и укоризненно произнесла:

– Куда летишь-то, ангел? Погляди – извозился вон весь! Друг твой – он гонщик, что ли?

Стремительный Колян, не обращая на нее никакого внимания, продолжал до тех пор тянуть Кирилла за руку, пока тот не заорал возмущенно:

– Да погоди ты, лось, я ж не могу так нестись! Ты прямо сдурел сегодня с утра – то боишься, что нас Кошкалда срисует, то ломишься за ней, как чумной! Собрался ей прямо под ноги закатиться?

– Сиганет ведь в подъезд какой-нибудь, – у Коляна на лице было написано страдание, – завернет в подворотню, и все! Как мы тогда узнаем, за каким чертом ее в наши места поперло, а? – Колька кричал, как Шесть-на-девять в фильме «Место встречи изменить нельзя», в тот момент, когда Жеглов стрелял из окна автобуса по грузовику с Фоксом.

Женщина пожала плечами и пошла дальше, а школьники снова ринулись за учительницей.

Вскоре до них дошло, что они находятся в опасной близости от идущей мелким шагом Кошкалды. Кирилл остановился, дыша, как ныряльщик, только что спасшийся от акулы:

– Ну что, Колян, покурить не желаешь?

Колян поглядел на друга и удовлетворенно произнес:

– Тебе сейчас покурить – в самый раз: больничка через дорогу. У тебя фейс такого же цвета, как у моего отчима, когда у него тачку угнали – бледно-зеленый. Правда, он в тот день аж две пачки выкурил, все надеялся – может, пошутил кто!

– А сейчас ее ищут? – Кирилл постепенно приходил в себя.

– Ищут, как же, – Колька ехидно сплюнул, – следователь ходил-ходил к нам дня три, потом испарился. Телефон не отвечает, менты говорят, что заболел… – он осторожно выглянул из-за угла – Кошкалда, слава Богу, еще не скрылась:

– Давай, спортсмен, пошли!

Ребята быстро перебежали на противоположную сторону – так им было удобнее наблюдать за учительницей.

Кошкалда, она же Кошкина Александра Даниловна, пришла в школу, где учились Кирилл с Коляном, совсем недавно – два года назад.

Ребята тотчас принялись сочинять ей прозвище, но в облике Александры Даниловны не было ничего такого, что подтолкнуло бы их фантазию: она не хромала и не шепелявила, не носила лягушечьих очков и даже не сморкалась на уроке, как это делала их прежняя «англичанка».

Классный заводила и двоечник Кокорев, придя однажды в класс, заявил с порога, что их новая училка не поддается никакой классификации и предложил вынести ее персону на общий совет, который проходил, по обычаю, на заднем дворе школы, где были свалены старые парты.

Прошедшее в этот же день толковище было бурным. Кокорев наливался злостью и, разгребая кроссовками пыль, требовал от товарищей дельных предложений, но кроме банальной «Колбасы», никто так и не смог ничего придумать.

Однако сдержанная и не лезущая за словом в карман учительница никоим образом не походила на колбасу. Первым в этом убедился все тот же Кокорев, когда попытался состроить за спиной Кошкалды одну из своих кошмарных рож, снискавших ему почет и уважение всей школы.

Все произошло неожиданно и комично. Когда Александра Даниловна прохаживалась между рядами, дожидаясь, пока отличник Борька, по прозвищу Паук, закончит у доски спряжение неправильных глаголов, скучающий Кокорев взлохматил пятерней немытые вихры и, растянув пальцами рот, изобразил одну из своих самых призовых харь.

Кошкалда, стоявшая в это время спиной к ребятам, внезапно обернулась, и Кокорев, оторопев от неожиданности, так и не успел стереть с лица маску доктора Хайда.

Он продолжал сидеть так несколько мгновений, не замечая, как с кончика его высунутого языка капает на парту слюна. Класс не удержался и грохнул гомерическим хохотом, как целый кавалерийский полк, – смеялись над тем, как с лица классного клоуна постепенно сползала устрашающая гримаса, сменяясь глупым и обиженным выражением.

Александра Даниловна покусала губы, с интересом разглядывая «артиста», и спокойно произнесла:

– Кокорев, у тебя есть какая-нибудь кличка?

Бедняга опешил еще больше – его бессмысленный взгляд начал блуждать по стенам, как будто он искал среди висящих там таблиц ту единственную, в которой было написано, что надо делать в таких случаях, но со стен ему ухмылялись только портреты каких-то давно умерших сыновей туманного Альбиона, и Кокорев уставился на Борьку-Паука, отстраненно стоявшего у доски.

– Так что? – Кошкалда скрестила руки на груди и отправилась к своему столу, – какая у тебя кликуха?

– Я… это, Александра… – тут ученик обнаружил, что напрочь забыл отчество преподавателя, – ну, Кокорев моя фамилия…

Одноклассники вновь разразились заразительным смехом.

– Я знаю, что ты Кокорев, но как тебя зовут друзья? – Александра Даниловна листала журнал, не обращая внимания на переминающегося Борьку.

– Так и зовут – Кокорев, как же еще?

– Ага. Может, вы и его, – тут она указала на Борьку-Паука, зачем-то схватившего в руки тряпку для классной доски, – тоже по фамилии зовете?

– У него нет фамилии, – злорадно сказал Кокорев, – Паук он, и все тут!

– Ну вот, значит, Паук, – терпеливо, как нянечка в умственно отсталой школе, произнесла Кошкалда, – а ты, прелесть, кто?

Тут «виновник торжества» стал краснеть и ерзать на стуле, потом решился и выпалил:

– Можно мне выйти?

– Выйти? Куда? – Александра Даниловна говорила с Кокоревым так, как будто он спрашивал разрешения выпрыгнуть из окна. – Зачем тебе куда-то выходить? У нас урок английского языка, если ты еще этого не понял.

– Мне выйти надо, – безраздельный хозяин «камчатки» походил сейчас на человека, который узнал, что купил угнанный автомобиль, – ну, разрешите, пожалуйста!

– Нет, дружок, все личные дела – на перемене, а сейчас не будем отвлекаться от темы, – Кошкалда села на свое место за учительским столом и углубилась в какие-то записи в журнале.

Кокорев почувствовал неизъяснимое облегчение. «Отстала, зануда, – думал он про себя, вытирая потные ладони о пиджак, – вот прислали ведьму, теперь она меня сгноит – до конца года ей времени хватит, ох, как хватит!»

В классе стояла гробовая тишина, как на годовой контрольной по алгебре, но кокоревское счастье пока и не думало присаживаться за его парту:

– Мы ждем, господин Кокорев! – голос Александры Даниловны прозвучал желанной музыкой для одноклассников, которые так любили подобные зрелища, что самый жестокий римлянин показался бы на их фоне безобидной крохой, дергающей папу за нос.

– Так вы откроете нам свою тайну? – в классе кто-то хихикнул, но тут же осекся под строгим взглядом Кошкалды, которая захлопнула журнал и встала, ясно давая понять, что для «мима» все еще только начинается.

Надо сказать, что двоечник не зря молчал – прозвище его каким-то образом пришло следом за ним из той школы, где Кокорев учился раньше, но был исключен за неуспеваемость и привычку отнимать мелочь у первоклассников.

Его вызывали на педсовет, распекали, и даже один раз «грабителя» даже побил старший брат кого-то из закабаленных им малышей, но в Кокореве, по-видимому, было невозможно искоренить его разбойничью натуру, и он продолжал «добывать зипуна» на переменах, возле столовой и раздевалки.

Тогда измученные преподаватели и убитые горем родители решились на крайний шаг – и перевели Кокорева в школу, где учатся главные герои нашего рассказа – Кирилл и Колян. В родной школе Кокореву старшие ребята дали кличку Копыто – за то, что он всегда, где бы и с кем бы ни стоял, начинал непроизвольно разгребать что-то ногами. Прозвище прижилось, и мальчишку уже никто иначе не называл.

Когда Копыто в первый раз явился на занятия в новую для него школу и попытался установить привычный для него режим долгов и «счетчика» среди учеников младших классов, то справедливый, но суровый Колян дождался делягу после занятий и так убедительно объяснил ему суть хороших манер, что Кокорев тотчас же отправился просить прощения у игравших в чинзу мальчиков из младших классов, правда, под бдительным присмотром «наставника».

Запуганные должники, раскрыв рот, смотрели, как низвергнутый Копыто стоял на коленях в пыли школьной спортплощадки и выкладывал на землю все имеющиеся у него деньги.

Когда рэкетир полностью опустошил свои карманы, неумолимый педагог Колька поднял его с земли и повел на задний двор. Туда же потянулись и все, кто хотел выместить на вымогателе свою детскую обиду.

Там первоклашки, по очереди подходя к импровизированному эшафоту из двух сдвинутых парт, на которых все так же на коленях стоял плачущий Кокорев, отвесили ему по полновесному удару своих маленьких, но уже крепких кулачков.

Кокореву было больно и до жути обидно, однако еще больший ужас на него наводила Колькина фигура, который стоял неподалеку, скрестив на груди руки.

С тех пор лихие набеги Кокорева на беззащитных малышей прекратились. Колян на следующий день как ни в чем не бывало с ним поздоровался и отправился за свою парту, а Копыто забился в самый дальний угол «камчатки» и, как говорится, «не отсвечивал», делая вид, что усердно пишет.

Только на большой перемене Колька внезапно подошел к побледневшему от страха новичку и, глядя ему прямо в глаза, твердо произнес: «Еще один гоп-стоп, и ты инвалид!»

Кокорев икнул, кивнул так, как будто хотел стряхнуть голову, и после того как Колян неторопливо отошел от него, долго пил из фонтанчика воду.

…Теперь он смотрел на учительницу английского, как на неопознанный летающий объект:

– К-какую тайну, Александра Даниловна?

– Ну, Кокорев, это уже не смешно, – Кошкалда вплотную подошла к его парте, – или ты уже забыл, о чем я тебя спрашивала?

– Моя фамилия… Кокорев… – тут он сник и отвернулся к стене, – Александра Даниловна, я больше не буду…

В это время маленький золотушный нытик Костя Гурьянкин, все время вертевшийся на своем месте возле окна, не утерпел и выкрикнул:

– Александра Даниловна, да не скажет он, стыдно ему!

– Гурьянкин, я тебя не спрашивала, – Кошкалда вежливо осадила инициативного Костика, который продолжал вертеться, спихивая локтями учебники у сидящей позади него тихой толстушки.

– Тебе стыдно, Кокорев?

– Стыдно… Поставьте мне, если хотите, двойку! – Кокорев был согласен на все, только бы от него наконец отвязались.

– Ну за что же двойку – я тебя сегодня, по-моему, не вызывала, да их у тебя в журнале и так хватает, – учительница тронула шмыгающего Копыто за плечо, – хочешь, я скажу, как ребята тебя зовут?

– Не надо, Александра Даниловна! – взмолился он таким тоном, как будто Кошкалда собиралась открыть Бог весть какую тайну, – ну, зачем вам это, – в голосе двоечника проскакивали трагедийные нотки, – я же просто пошутил и… и все! – Кокорев затих и обреченно взглянул на неумолимую Кошкалду.

– Ладно, невинная жертва, тебе сейчас, наверное, и вправду надо выйти – так иди, – сказала она и, словно ничего не было, вернулась к доске:

– Откройте тетради, ребята, и вернемся к нашему уроку.

Не веря своим ушам, Кокорев недоверчиво взглянул на учительницу и быстро пошел к дверям – он опасался, что непредсказуемая Александра Даниловна передумает и остановит возле самого выхода, когда его пальцы уже возьмутся за спасительную дверную ручку.

Но ничего не произошло. Александра Даниловна стирала с доски неправильные глаголы, которые просклонял старательный Борька Скрипунов, прозванный Пауком за свою исключительную прилипчивость. Стряхнуть с себя эту гнусаво бормочущую личность можно было только по методу Коляна: за шиворот – и вниз по широкой школьной лестнице, пока не примет Паука гостеприимная противоположная стена.

А Борька и не думал обижаться – он стряхивал со своего пиджачка пыль и вновь стоически приступал к осаде своей жертвы – до тех пор, пока она не уступала или Паука не начинали попросту бить.

Сейчас Борька стоял и смотрел, как плоды его труда безжалостно уничтожаются грязной тряпкой. Было обидно. Он посвятил этим проклятым неправильным глаголам весь вечер, надеясь с их помощью завоевать почет и уважение новой учительницы, но блистательный дебют поломал своим жалким актерством дубина и бездарь Кокорев. Паук понял, что аплодисментов не будет, и угрюмо ждал, когда Кошкалда разрешит ему вернуться на место.

– Скрипунов, садитесь, – Александра Даниловна движением руки отпустила, наконец, Паука и остановила взгляд на пятнистом от волнения Костике:

– Гурьянкин, а вас я попрошу к доске!

Костик вылез из-за парты и пошел туда, где возле доски стояла Кошкалда, освещенная слабым зимним солнцем. Когда он проходил мимо дверей, то все услышали донесшийся оттуда сдавленный шепот:

– Ну, Бандерлог, я тебя…

В это время раздался школьный звонок, возвещающий о наступлении большой перемены – времени, когда исполняются самые заветные мечты, а на головы предателей обрушивается страшная месть. Завершился урок английского языка, который сделал Кошкалду одной из самых легендарных учительниц в школе, а Кокорева навеки лишил остатков его былой славы.

Начитанный Колян вскоре после «ЧП» предложил прозвать Александру Даниловну по первым буквам ее фамилии, имени и отчества, как это делали герои его любимой «Республики Шкид», и прозвище Кошкалда твердо закрепилось за необычной учительницей. Во всей этой занимательной истории был только один участник, для кого она не обернулась ничем хорошим, – это был Костя-Бандерлог.

Устрашенный словами мстительного Копыто, Костик, не долго думая, смылся домой прямо с большой перемены. Напрасно Кокорев дожидался его у раздевалки, где обычно происходило выяснение отношений, напрасно он разыскивал Костика в тайных закоулках школы, где, наподобие Хитрова рынка, собирались все тертые прогульщики и второгодники, чтобы покурить после уроков, – Гурьянкин как будто испарился.

«Ну ладно, Бандерлог, ты еще свое получишь, – злорадно думал Кокорев, бегая по коридорам, – за мной не заржавеет!»

Несколько дней спустя, когда наступило воскресенье и Костик, скоропостижно «заболевший» гриппом, вышел погулять со своей таксой-всю-жизнь-под-шкафом, возле их дома зашевелились кусты – и на дорожку выбрался заснеженный Копыто.

– Привет, Бандерлог, – сказал Кокорев, – тебе чего в жизни не хватает?

Костя непроизвольно потянул на себя поводок собаки и попытался что-то произнести, но Копыто шагнул вперед и хлестко ударил Гурьянкина по лицу:

– Ты думал, что я тебя не достану? – лицо Кокорева было спокойным.

– Я… не… – тут на голову несчастного Бандерлога обрушился еще один удар, отчего Костик как-то удивленно хмыкнул и осел в снег. Он выпустил поводок из рук, и шнуркоподобная псина побежала обнюхивать желтоватые пятна на сугробах – происходящее с хозяином ее совершенно не волновало.

– Пора вправить твои куриные мозги, – с этими словами Кокорев деловито поднял Костю и, придерживая его одной рукой, другой сильно толкнул бессмысленно моргающего Бандерлога в кусты.

– Тебя кто за язык тянул, гад?

Костя барахтался в ветвях, пытаясь выбраться из жестких, царапающих лицо и руки зарослей, но его ноги никак не могли найти подходящую точку опоры.

Копыто снова стал вытаскивать беднягу на свет божий, как вдруг на балконе противоположного дома стукнула открывшаяся дверь и послышался гневный женский голос:

– Отойди от моего сына, бандит, – это кричала мама Костика: случайно выглянув во двор, она увидела плачевную для своего сыночка картину. – Я вот милицию вызову…

– Эй, милиция! – звонко закричала она, видя, как Кокорев пустился бежать, в последний раз отправив Костю-Бандерлога физиономией в снег. – Рашид, да лови же ты этого негодяя!

Слова возмущенной Костиной мамы относились к их соседу – бизнесмену Рашиду, который в это время садился в свою машину. Индифферентно глянув наверх, сосед захлопнул дверцу и выехал из двора, притормозив, чтобы пропустить бегущего сломя голову Копыто.

Когда февральский ветерок унес выхлопные газы, а Кокорев скрылся между заваленными сугробами гаражами, на снегу остался сидеть один всхлипывающий Костя Гурьянкин, а возле – нагулявшаяся такса, которая подошла-таки к своему хозяину и стала разглядывать его, по-собачьи недоумевая: отчего это Костик сидит и разгребает вокруг себя снег, словно какая-нибудь дворняга?

На улице продолжал идти снег. Ребята без устали продолжали шагать за ничего вроде бы не подозревающей учительницей. Внезапно Кирилл резко осадил своего приятеля:

– Стой! Видишь, Кошкалда в переулок нырнула?

– Ага, вижу, там еще дорожка прямо до нашего с тобой дома идет – вот нам с тобой и настал… Колян не закончил фразы, однако Кириллу было и без того понятно, что дело плохо.

– Небось, к тебе или ко мне топает, ох и дотошная же тетка!

– У меня в это время предков обычно дома не бывает, но сегодня – как назло, мамаша дома. Вот и высидит…

– А у меня бабуля прямо затащится, когда Кошкалду на пороге увидит – и поговорить есть с кем, а сколько можно будет предкам после накапать! Так что попались мы с тобой, друг Кирюха!

За таким невеселым разговором друзья дошли до переулка и опасливо глянули в его темноватый проем – там уже никого не было – Кошкалда исчезла.

– Во дает, а, Колян? Конспирируется, как Ленин, раз – и ее уже не видать!

– Пошли, там лавочка есть, посидим.

Кирилл с Колькой прошли заснеженной дорожкой к небольшому дворику, где под слоем снега нашлась скамейка. Колян сразу плюхнулся на нее и оказался в сугробе замысловатой формы. Кирилл остановился рядом и предложил:

– Слушай, а давай дождемся, когда она выйдет, подойдем к ней и попросим, чтобы она дальше к кому-нибудь из нас не ходила – ну, там, к тебе или ко мне? – Кирилл даже сам удивился простоте и смелости своей идеи.

– Ты еще у ней деньжат попроси, на пиво!

– Я на твою могилку безвременную у нее деньжат попрошу, если ты не заткнешься!

– Нет, ты и в самом деле дурак: когда это было видано, чтобы Кошкалду можно было на что-то уговорить? Да проще вот это дерево упросить, чем ее, – Колян с неподдельным интересом смотрел на друга, – кому и когда она уступила?

– Ну, может, нас послушает…

– Послушает, – блеющим голосом передразнил Колька своего приятеля, – она-то нас послушает-послушает, да и пойдет, куда хотела, только еще злее станет.

– По-моему, Кошкалда никогда не злится.

– Может, это она только вид такой безмятежный на себя напускает, а внутри у нее – ад, и черти в нем прыгают!

– Слушай, ну и фантазия у тебя – ад внутри Кошкалды! – Кирилл с долей некоторого уважения поглядел на своего дружка Кольку, о чем-то напряженно думающего.

А Колян действительно думал, что во всей этой истории есть что-то недоступное пока их с Кириллом пониманию, словно бы ты впервые слышишь мелодию, в которой тебе незнакомы ни исполнитель, ни музыка, но в глубине души убежден, что эта вещь тебе давно и хорошо известна, – надо лишь вспомнить.

У Коляна часто бывало подобное ощущение, ему казалось, что большая часть его жизни уже когда-то и где-то им прожита, но он ни с кем этим чувством не делился из опасения, что его не поймут и поднимут на смех.

Кирилл уже замерз и стал весело приплясывать в своих демисезонных ботиночках. Отказ Коляна разделить его отчаянное предприятие поначалу поверг его в уныние, но сейчас сожаление по этому поводу отступило на второй план – Кирилл думал о предстоящем объяснении с родителями, и эта перспектива его абсолютно не воодушевляла.

– Слушай, Кирюх, я тебе вот что скажу: не пошла Кошкалда ни к кому из нас, она вообще в наши края с другой целью приехала, – Колян произнес это, равнодушно разглядывая грязную потрескавшуюся стену дома напротив, – так что нечего нам тут сидеть, как голубям, и трястись.

– Скажи, пожалуйста, а для чего она сюда приперлась? – вкрадчиво спросил его Кирилл.

– Я этого не знаю, но что не предкам стучать, это точно.

– Я же говорил тебе: пойдем и спросим у нее – зачем?

– Мы у нее до той поры не спросим, пока она сама не захочет нам ответить, – а вот сами узнать мы можем – вставай, пошли!

– Куда это? – в голосе Кирилла звучало недоумение.

– Увидишь, козел, пошли!

Друзья снялись с уже насиженной скамейки и двинулись… Направление указывал Колян, ставший внезапно серьезным. Вскоре они подошли к подъезду, где имел удовольствие жить Кирилл, который и сказал, криво улыбаясь:

– Ну и на кой ляд мы сюда притопали? В гости ко мне собрался – пошли, дома хоть кино посмотрим!

– Да погоди ты со своим кино! Мы здесь будем Кошкалду дожидаться, если, конечно, дождемся.

– А почему именно здесь? Почему не у твоего подъезда или вообще не под тем вон грибком с песочницей?

– Потому что мне так охота – достаточно этого тебе? – Колян буквально прошипел эти слова в лицо Кириллу.

– Да ладно, что ты сразу в бутылку лезешь, псих несчастный!

– Все, замяли. Садись вон на ограду и сиди, если устал, ждать, может, долго придется!

Кирилл послушно уселся на тонкий заборчик, ограждающий клумбу возле его подъезда, и обиженно замолчал. Потянулись долгие минуты странного ожидания, когда никто из них толком не знал, чего они ждут.

Колян подчинялся лишь странному безотчетному чувству, что именно здесь они смогут раскрыть какой-то секрет их необычной учительницы. Кирилл же просто действовал так, как велел его старый друг.

Из подъезда вышла бодренькая бабулька в спортивных ботинках и с лыжами. Ее круглая шапочка прикрывала густые седые кудри.

Бабулька притопнула ногой, и Колян заметил, как она взглянула на них, словно сфотографировала. Поставив лыжи к стене дома, пожилая спортсменка стала открывать небольшую сумочку.

В этот момент Кириллу жутко захотелось домой, на теплую кухню, где в холодильнике всегда можно было отыскать что-нибудь вкусненькое, да хотя бы просто попить чаю. Он, естественно, не мог знать, что Колян испытывал совершенно иное желание – сейчас же, немедленно смыться.

Однако он не удрал, а продолжал наблюдать, как бабуля роется в недрах своей сумочки и достает оттуда какую-то коробку. Для Кольки все это происходило, как в замедленной киносъемке: вот бабулька поднимает голову и медленно протягивает им руку с коробкой, вот она приоткрывает губы и произносит какие-то слова, смысл которых в первое мгновение плохо доходит до его сознания.

– Ребятишки, у меня для вас подарочек есть, – бабушка с улыбкой протянула Кириллу гремящую коробочку, – вот возьмите, это леденцы, вкусные. Мне их внуки прислали, а зачем они мне, старому-то человеку?

Колян пришел в себя и чуть было не крикнул «нет», но осекся, увидев, как удивленный Кирилл взял подарок, после чего лицо его вдруг неузнаваемо изменилось, да так, что Колян чуть не сел в снег.

На него смотрел совершенно другой человек – не его старинный приятель, порядочный зануда, которого он тем не менее любил всей душой, а совсем взрослый человек, Кирилл, но как бы спустя двадцать-двадцать пять лет, с замкнутым и пугающе мрачным лицом, какого в их мальчишеской жизни Колян не видел у друга даже в самые тяжелые минуты. Ощущение длилось всего секунду, может быть, и того меньше, но за это время Кирилл словно успел прожить несколько лет своей жизни.

Потом все прошло, и Колька вновь увидел прежнего Кирилла, с интересом разглядывающего коробку. Бабулька уже успела (когда?) взять свои лыжи и неспешно удалиться в сторону автобусной остановки.

– Зачем ты это взял? – Колян говорил заплетающимся языком, точно он только что проснулся.

– Да прикольно же стало: неизвестная старушенция – и вдруг что-то дарит! – Кирилл потряс коробку, в ней загремело – видимо, там действительно были конфеты.

– Ты знаешь, что с тобой было, когда ты это в руки взял?

– Да ничего со мной не было! А что должно было быть?

– Ну хорошо – ничего так ничего, – пошли ко мне.

– Хорошо, – недоуменно произнес Кирилл, – а ты что, так конфеты любишь? Я за тобой такого не замечал!

– Да нет, просто знаешь… – Колян пространно развел руками, – ты не пробуй их один – и все, договорились?

– Ну, договорились. Теперь-то идем?

– Теперь – идем! – Колян встал, и ребята отправились через два подъезда к нему домой.

Вечером отец Кирилла заглянул в школу «на огонек». Огонек действительно горел – это было окно класса на втором этаже, где, как всегда допоздна, засиделась классная руководительница.

Сергей Петрович вошел в школьное фойе, осмотрелся. Вокруг было пусто. Где-то вдали прошлепала уборщица в резиновых калошах, скрипнула дверь класса – и все стихло. Отец Кирилла подошел к двери в учительскую с лаконичной надписью: «Учительская. Учащимся вход воспрещен».

Сергей Петрович пожал плечами и заглянул внутрь, но там его встретили лишь пустые, убранные столы да стоящий у стены картонный портрет Софьи Ковалевской.

– М-да, – пробормотал Сергей Петрович, разглядывая на стене темное пятно невыцветшей краски, где ранее находился портрет Ленина. – Пустует красный-то угол, пустует, – и отправился далее разыскивать класс со светящимся окном. Марина Федоровна, классная руководительница, была чрезвычайно удивлена, когда в комнату заглянул невысокий крепкий симпатичный мужчина с приятным лицом и представился:

– Сергей Петрович, отец Андреева Кирилла. Разрешите? – он, не дожидаясь, когда Марина Федоровна ему ответит, прошел в класс и присел за первую парту.

– А, здравствуйте, очень приятно – Марина Федоровна! – учительница даже привстала от неожиданности: ей казалось, что отец Кирилла вообще никогда не придет в школу.

– Вы насчет своего сына зашли?

– Ну да, расскажите, пожалуйста, как он тут… – Сергей Петрович по ее интонации понял, что рассказать классной руководительнице есть чего.

– Знаете что, – Марина Федоровна встала и прошлась по классу. – Ваш сын в общем-то очень способный и даже, можно сказать, талантливый мальчик, но… – Марина Федоровна прервалась и мгновение спустя продолжила: – Но в школе он слишком много времени посвящает посторонним вещам, вот так, да! – классная прямо посмотрела на Сергея Петровича.

Он помолчал и спросил:

– Каким вещам, Марина Федоровна?

– Кирилл прогуливает занятия, у него огромная задолженность по английскому языку и литературе, мальчик отстает также по физике и биологии, – Марина Федоровна стала говорить быстро и отчетливо, выкладывая отцу все «подвиги» сына.

– И еще, мне кажется, Сергей Петрович, Кириллу необходима помощь психолога. Да вам же должно быть виднее – мальчик у вас постоянно на глазах, тогда как в школе мы его видим в лучшем случае два дня в неделю! Поймите, дети просто так не прогуливают школу! И еще этот его друг – Смирнов Николай…

– Что Смирнов? – Отец Кирилла вдруг спохватился и вспомнил, что забыл снять шапку. – По-моему, Николай вполне порядочный парень.

– Да, Сергей Петрович, Смирнов воспитанный и серьезный мальчик, но на его поведении сказывается ситуация в семье! – Марина Федоровна произнесла эти слова, как свою давнишнюю сокровенную тайну.

– А какая в их семье ситуация? – Сергей Петрович был озадачен – родные Коляна были ему прекрасно известны, они даже дружили семьями.

– Мне кажется, что Смирнову не уделяют достаточно внимания, да он просто брошен на произвол судьбы! – классная сейчас очень волновалась – ей казалось, что все ее слова летят на ветер.

– Я разрешаю своему сыну дружить с Николаем, Марина Федоровна, так как не желал бы ему лучшего друга! – Сергей Петрович встал, выбрался из-за парты, покосился на разбросанные по столу тетради и произнес: – Если у вас есть еще что-нибудь о моем сыне, буду рад выслушать, если же нет, то всего хорошего.

Марина Федоровна слегка покраснела:

– Пожалуй, все. Пожалуйста, поговорите с вашим сыном и попросите его впредь посещать все занятия. И пусть он начинает нагонять упущенное – класс ушел далеко вперед.

– Не беспокойтесь, я с ним переговорю, он все нагонит. – Отец Кирилла вышел в коридор и, осторожно закрывая дверь, попрощался: – До свидания, Марина Федоровна!

– До свидания… – рассеянно произнесла классная руководительница и осталась одна, в тишине, нарушаемой только шумом февральского ветра за окном. Она стояла посреди класса, держа в руках указку, – Марина Федоровна взяла ее автоматически, когда разговаривала с отцом Кирилла, и теперь только поняла, насколько неуместен был сей предмет в беседе с этим странным человеком.

Ей казалось, что Сергей Петрович должен был обеспокоенно говорить, что сын отбился от рук, не слушается родителей и к тому же связался с этим Смирновым, «безотцовщиной», а тот его учит курить и вообще сбивает с истинного пути. Однако…

Марине Федоровне представлялось, что родители Кирилла до сих пор пребывают в уверенности, что их сын исправно посещает занятия и хоть кое-как, но учится. Вместе с Александрой Даниловной они уже собирались навестить Андреевых дома, но сегодняшний разговор изменил планы Марины Федоровны.

«Надо бы с матерью поговорить, – думала учительница. – Возможно, что из беседы с ней будет больше пользы, впрочем, мне пока ничего не известно об их семье».

На столе лежала еще порядочная кипа непроверенных тетрадей, и Марина Федоровна вновь принялась за работу.

Сергей Петрович сдержал свое обещание, данное классной руководительнице, и мальчик был наказан – отец отказал ему в воскресном отдыхе, и Кирилл с самого утра засел за учебники – все произошло по сценарию, предсказанному опытным в таких делах Колькой.

Анна злорадно заглядывала в его комнату, интересуясь, не надо ли чего столь добросовестному ученику, который даже по воскресеньям не позволяет себе отвлечься от занятий.

Однако Кирилл стоически игнорировал все Анькины происки и действительно провел все утро над английским, переводя все тексты, которые легкомысленно отбросил на учебной неделе. Так продолжалось до тех пор, пока в дверь не позвонил Колька.

Родители Кирилла давно уже ушли по каким-то своим делам, поэтому он спокойно захлопнул учебник английского и впустил порядочно замерзшего Коляна в квартиру.

Как оказалось, Колян все утро провел вместе со своим отчимом – они ходили в милицию, узнавать, как продвигаются поиски недавно угнанной машины. Розыск, как выяснилось, не продвигался никак, и милицейский следователь разговаривал с ними явно неохотно, постоянно поглядывая на часы, и в конце концов заявил, что у него вот-вот начнется исключительно важное совещание, так что «зайдите потом – и вообще, вам сообщат, когда в деле появятся какие-либо значительные изменения».

Отчим вышел из милиции злой, как черт, заглянул по пути в магазин, откуда вышел уже значительно подобревшим, и заявил, что все, в принципе, ерунда – и отправился к какому-то своему старинному другу, отпустив Коляна на все четыре стороны.

Памятуя о подозрительных леденцах, Колян сразу ринулся к своему другу, опасаясь, что тот все-таки не утерпел и попробовал их, и он обнаружит дома уже совсем не того друга, которого знал раньше. Но его опасения не подтвердились, и дверь открыл обычный его одноклассник, в домашних штанах, жующий котлету.

– Привет, Колян, заходи.

Пока Колька, не торопясь, раздевался – он вообще все делал так, как будто каждое производимое им действие должно сказаться на судьбах человечества, Кирилл сбегал к себе в комнату и уничтожил все следы своего научного бдения: спрятал в стол тетрадки и закинул на полку все учебники, дабы насмешливый Колян не имел возможности убедиться в точности своих предсказаний насчет судьбы Кирилла в эти выходные. Однако его проницательный друг, войдя в комнату, сразу сказал:

– Что, приятель, зубришь?

– Зубрю, – обреченно ответил Кирилл, – батя заставил.

– Я же тебе говорил, – Колян по-хозяйски уселся на тахте. – Будешь зубрить!

– Зато теперь я на это положил! – Кирилл полез куда-то в книги и достал заначку папирос.

– Такие куришь?

– Отчего же не курю? – Колян взял предложенную ему толстую папиросу, и друзья отправились на балкон.

– Так где те конфеты? – Колян решил сразу приступить к делу.

– В моем рюкзаке, так там и лежат, а что? Слушай, Колян, ты прямо шизанулся на этих леденцах, давай я их тебе отдам, чтобы ты успокоился!

– Да на что они мне? Просто странные они какие-то – и все тут!

– Ты хотел сказать – бабка, которая нам их дала, странная, а не леденцы?

– Да нет, бабка как бабка.

– Тогда что же ты мне здесь мозги компостируешь все утро: бабка, леденцы! – Кирилл очень легко начинал злиться, но так же быстро отходил.

– Слушай, пойдем на них хорошенько посмотрим! – Колян действительно, не успев рассмотреть странный подарок в прошлый раз, горел желанием увидеть его немедленно.

– Вон, в рюкзаке возьми.

Ребята вернулись в комнату, и Колян достал из мешка яркую коробочку, в которой перекатывались конфеты.

На вид – леденцы как леденцы, все, как обычно: название, штрих-код, целлофановая обертка и веселенькая картинка с персонажами каких-то мультфильмов.

Коробка была объемистой. Кирилл первый предложил ее открыть:

– Колян, чего на них смотреть, давай откроем и попробуем!

– Не очень-то мне этого хочется, честно говоря, – осторожный Колян покрутил леденцы в руках. – Тебе раньше часто дарили на улице коробки с конфетами?

– Ну, вообще-то, нет.

– А на этот раз, ты думаешь, эта бабка нам их просто так дала?

– Да может, они ей действительно не нужны! – Кирилла жутко возмущала Колькина осторожность, и ему опять захотелось как-нибудь его поддеть, но на ум ничего не приходило.

– Может, и не нужны, только я их есть не стану, так и знай!

– Эврика, Колян! Давай их на моей сеструхе Аньке испробуем, – Кирилл мстительно улыбнулся. – Если с ней ничего не случится, тогда, значит, и нам можно похрустеть!

Колян не испытывал к Анне никаких чувств – ни положительных, ни отрицательных, но на эксперимент согласился, и сестру пригласили в комнату брата.

– Анька, – Кирилл был серьезен. – Хочешь леденцов? Колян принес!

Гость вспыхнул и незаметно, но чувствительно пнул Кирилла в бок:

– Что, что ты врешь?

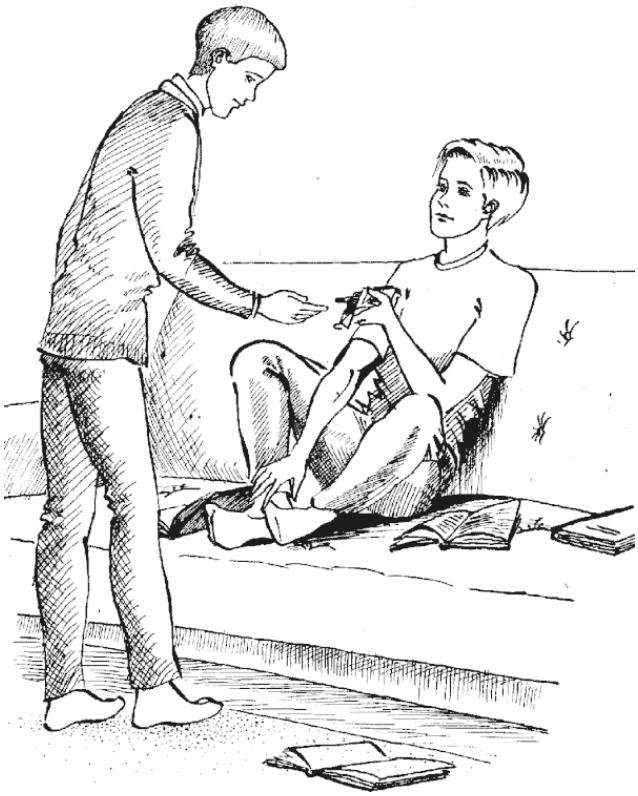
Но Кирилл лишь язвительно хмыкнул и повторил:

– Ну что, будешь леденцы? А то мы их сами все сло паем!

Сладкоежка Анька покосилась на цветную коробоч ку и согласилась:

– Да буду, конечно!

Коробка была тут же вскрыта, и на свет появились леденцы двух цветов – красные и зеленые.



Анна сразу схватила несколько штук – и красных, и зеленых, но тут в дело вмешался Колян: он звонко хлопнул Аньку по руке, да так ловко, что на ладони у нее остались лишь две разноцветные конфеты, остальные весело раскатились по полу.

– Куда, жадина? Не видишь – нас здесь много, целых двое! Хватит с тебя и парочки.

Сестренка покраснела и выбежала из комнаты, а друзья остались ждать, что произойдет.

Ждать им пришлось недолго.

За дверью что-то стукнуло, послышались торопливые шаги – и в комнату вошла высокая девушка лет двадцати семи, смутно кого-то напоминающая.

Кирилл ойкнул и кинулся на балкон, словно желая там спастись от неожиданного явления, но девушка посмотрела на вздувшиеся шторы и властно сказала:

– Кирилл, а ну-ка иди сюда!

В это время Колян, бледный, как полотно, продолжал сидеть на тахте, не спуская глаз с вошедшей.

– Кирилл, у тебя что, слух отнялся? – девушка, а вернее сказать, женщина в расцвете лет, стояла посреди комнаты, задумчиво крутя в руке зеленый леденец. – Я же приказала тебе вернуться в комнату!

«Вот это да! – потрясенно думал Колян. – Ну и конфетки нам бабуля подвинтила – прямо невероятно, что такое может произойти на самом деле!»

Вошедшая Анна, а это была именно она, только повзрослевшая на много лет, удивленно глядела, как в комнату входил Кирилл.

А он боялся смотреть на пришелицу и потому решил войти задом.

– Тебе что было велено делать, а? – Анна говорила барским тоном, как будто ее брат был непослушным лакеем. – Тебе отец заниматься велел, а не с друзьями развлекаться, понятно? – глаза Анны метали молнии, и Коляну в таком гневном виде она даже нравилась.

– А ты давай собирайся домой, завтра в школе наговоритесь! Кириллу учиться надо, ты же его отвлекаешь на всякие пустяки, – сестра постепенно смягчилась и уже спокойнее продолжила: – Иди, иди, Николай, у тебя, наверное, тоже дома дела имеются!

– Ага, Анна Сергеевна, уже иду! – Колян взглянул на Кирилла, стоявшего с открытым ртом, и поднялся с места.

Анна положила в рот зеленый леденец и направилась к выходу из комнаты, и в это время Коляну показалось, что в комнате пахнуло теплым ветром, формы как-то странно расплылись и стали таять в воздухе – Анна точно становилась бесплотной, похожей на фею, только в окружении современного интерьера.

Это придавало всей сцене какой-то жутковатый оттенок современной сказки – Анна уменьшалась в размерах, а Коляну казалось, что он взлетает прямо над ней.

«Уж не схожу ли я с ума?» – подумалось Кольке, но нет, никто и не думал в этой комнате сходить с ума, просто наяву происходило самое настоящее чудо, и оттого мальчишке становилось только страшнее.

Вот Анна сделалась почти совсем невидимой, только возле двери колыхалась едва заметная, переливающаяся всеми цветами радуги фигурка, и вдруг все неожиданно пропало.

Вернее, исчезло волшебство – возле двери стояла та же самая маленькая Анька, только не по-детски бледная и с ужасом глядящая на брата.

Кирилл закрыл, наконец, рот и тупо глянул на Кольку:

– Что это, а?

– Откуда я знаю? – Колян тоже еще не пришел в себя.

– А где… она? – Кирилл не мог поверить, что его привычная ябедница-сестра, которая сейчас находилась рядом, и та властная женщина – одно и то же лицо.

– Да вон стоит, ты же не слепой! – Колян показал на Аньку, – она понуро ждала кары.

– Ага, – зловеще сказал брат, сжимая кулаки. – Ну, Чикита, иди-ка сюда!

– Довольно! – Колян схватил Кирилла за локоть. – Она не виновата!

– Не ви-но-ва-та? – изумлению Кирилла не было предела. – А кто же тогда… – он не успел договорить: Колян бережно встал, подошел к Аньке и вывел ее из комнаты.

– Иди к себе, подружка, мы уж как-нибудь сами разберемся!

Анька благодарно закивала, но так и не смогла пересилить свою натуру:

– А можно мне взять у вас несколько штучек?

– Нельзя! Ты же сама видишь – это тебе не монпансье, – Колян бережно завел сестру Кирилла в ее апартаменты и вышел.

– Все равно я ей устрою сладкую жизнь! – бушевал Кирилл. – На родного брата с такими словами – думала, на всю жизнь большой останется!

– И осталась бы, если б второй леденец не съела! – Колян собирал рассыпавшиеся конфеты. – Она его просто случайно проглотила, и тут – раз! и готово – все по-прежнему!

– Ты-то что обо всем этом думаешь?

– А думаю я, брат Кирюха, что бабка преподнесла нам такое, о чем мы с тобой даже и мечтать не смели! Ну, мечтать-то, может, и мечтали, но чтоб это наяву случилось – не верили. Так?

– Конечно! Ты что ли верил?

– Нет, я даже во сне такого не представлял! Мы теперь можем становиться взрослыми… ну, по заказу, вроде. Сжевал леденец – и тебе все можно и ничего не страшно, сжевал другой – и ты снова, какой был! – Колян восхищенно глядел на металлическую коробочку. – Давай по разику, а?

Кирилл молча взял одну конфету – она была красного цвета – и, зажмурившись, разгрыз.

В первые секунды ничего не произошло – хозяин комнаты сидел на тахте с зажмуренными глазами, точно ожидая удара, и Колян, глядя на него, в свою очередь торопливо проглотил леденец.

Вкус у него был – как и у множества других, съеденных Колькой в бессчетном количестве, – приторно-сладкий и чуть горьковатый. Леденец как леденец.

Коляну подумалось, что волшебными оказались только те, которые съела Анька, а остальные – просто самые обычные конфеты, но тут с ним стало твориться что-то странное.

Земля словно вырвалась из-под ног, и Кольке показалось, что он стоит на поверхности огромной карусели – так трудно было ему сохранять равновесие.

Мальчик присел, но ощущение не исчезло, а лишь изменилось – теперь это было похоже на аттракцион, будто бы Колян сидел на бешено вращающемся колесе обозрения. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на палубе корабля в штормовую погоду.

Ему очень хотелось открыть глаза, но он боялся.

Вот тело его приобрело внезапно такую легкость, что будь Колян сейчас на крыше, он без страха прыгнул бы вниз и полетел, как на дельтаплане.

Так, наверное, чувствовали себя летящие на шабаш ведьмы. Колян наконец решился и, не открывая глаз, резко оттолкнулся руками от тахты.

Ноги его внезапно повисли в пустоте, а затылок издал мелодичный звон – это Колян въехал головой прямо в хрустальную люстру, что висела в комнате его друга. «Левитирую! – пронеслось у него в мыслях. – Ну, дела!»

В это время Колькино сердце забилось в бешеном ритме – и он подумал, что вот сейчас-то и придется ему скончаться от этих дьявольских леденцов.

Однако умереть ему не пришлось, Колян неожиданно больно упал на пол. Наконец-то все прекратилось, и он смог открыть глаза: вокруг была все та же комната, а рядом, тоже на полу, сидел его друг Кирилл.

Оба молодых человека глупо таращились друг на друга, не узнавая.

Кирилл вновь превратился в того мрачноватого парня, который показался Кольке в его облике вчера, когда он принял от колдуньи коробку с леденцами. На его щеках пробивалась темная щетина, а глаза оказались совсем не такого цвета, какие были у него в школьные годы. «Контактные линзы!» – догадался Колян.

Сам он почему-то ощущал во рту непонятный металлический привкус, словно держал на языке монету. Этот привкус имели Колькины передние зубы, сделанные из какого-то металла. «Ну вот, все с обновками!» – грустно поразмыслил Колька и встал.

– Ты как, а? – это был голос Кирилла, чуть глуховатый, с прокуренной хрипотцой.

– Вроде ничего, – Колька сел на стул и осмотрелся.

– Здорово! – Кирилл кувыркнулся на полу через голову и вскочил прямо напротив зеркала. – Вот это да! – он рассматривал себя, как посетители рассматривают в зоопарке редкую обезьяну. – Да сколько же мне лет?

– Лет двадцать шесть-двадцать семь, – Колян осторожно заглянул в зеркало через плечо друга.

– И мне столько же, – Колька удовлетворенно вздохнул и взял из коробки папиросу. – Курим?

– А как же! – радостно ответил Кирилл и внезапно глухо и влажно закашлялся. – Вот черт, – через силу выдохнул он. – Я, похоже, курю всю свою жизнь, прямо со школы!

– Да уж… – с сожалением подтвердил Колька.

– Ну, что будем делать? – Кирилл отдышался и теперь с интересом смотрел на свой письменный стол – там в беспорядке валялись карандаши, ручки и обертки из-под чипсов.

– Откуда я знаю, что? – Колька пускал затейливые колечки дыма, следя за тем, как они плывут в воздухе.

– А ведь еще минуту назад я не смог бы выдуть ни одного кольца!

– Кто знает, чему мы теперь научились? – Кирилл открыл дверь и позвал:

– Анька!

Из своей комнаты вышла сестра и робко подошла к бархатной шторе, загораживающей вход в комнату брата:

– Я здесь…

– Да не бойся ты, заходи!

Анька вошла, увидела высокого, небритого Кирилла, вальяжно дымящего папиросой, и, не совладав с собой, пискнула:

– А… ты тоже, да?

– Да-да, и он тоже, – успокоительно произнес Колян. – Заходи, присаживайся!

У Аньки не попадал зуб на зуб; она, как мышь, пробралась к тахте и замерла.

– Может, музыку включим? – Кирилл полез на полку, где большой грудой лежали диски. – Что-нибудь тяжеленькое, да?

– Не надо тяжеленького, – Колян покопался в хаосе кассет и выбрал неизвестно как попавший в коллекцию Кирилла диск Алана Стивелла. – Вот этот включи!

Кирилл с сомнением поглядел на ирландский пейзаж, изображенный на вкладыше, и, покачав головой, нажал клавишу магнитолы. У него слегка дрожали руки, и он едва не сломал транспортную панель. Чертыхнувшись, «меломан» все-таки отправил диск в недра аппарата.

– Приятель, я его ни разу не слушал!

– Темнота! – удовлетворенно резюмировал Колька, вытряхивая из коробочки с леденцами два зеленых. Он положил их рядом на стол, остальные же плотно закрыл и спрятал к себе в карман.

Из динамиков полилась древняя ирландская музыка. Она была настолько прекрасна, что даже Кирилл, убежденный поклонник Death-metall, – и тот притих.

– Какие будут предложения? – нарушил тишину Колян. – В нашем распоряжении имеются, как это ни невероятно звучит, самые настоящие волшебные конфеты. Они дают нам возможность становиться взрослыми в любой момент – и так же возвращаться в наш первоначальный возраст. Как будем их использовать?

– А вот как, – Кирилл вытащил из рюкзака дневник.

– Смотри: завтра у нас две контрольные – по английскому и по физике. Лично для меня это полный и безоговорочный крах, так что предлагаю захватить по парочке завтра с собой в школу.

– И что? – Колян не до конца понимал своего друга.

– Ты что, хочешь на этих уроках внезапно повзрослеть?

– Ну конечно! Мы заходим в класс, съедаем по леденцу – и Кошкалда падает в обморок. То же самое и на физике – Вельветыч сразу забудет, как там у него маятники качаются. Нам всем автоматом ставят тройки!

– Не думаю, – Колька отрицательно покачал головой. – Кошкалда – она вообще вряд ли когда в обморок падала; скорее, она попросит нас ее этими леденцами угостить. А Вельветыч – старый алкоголик, скорее всего он просто ничего не поймет и попросит нас, как посторонних, выйти из класса.

– Тогда как же?

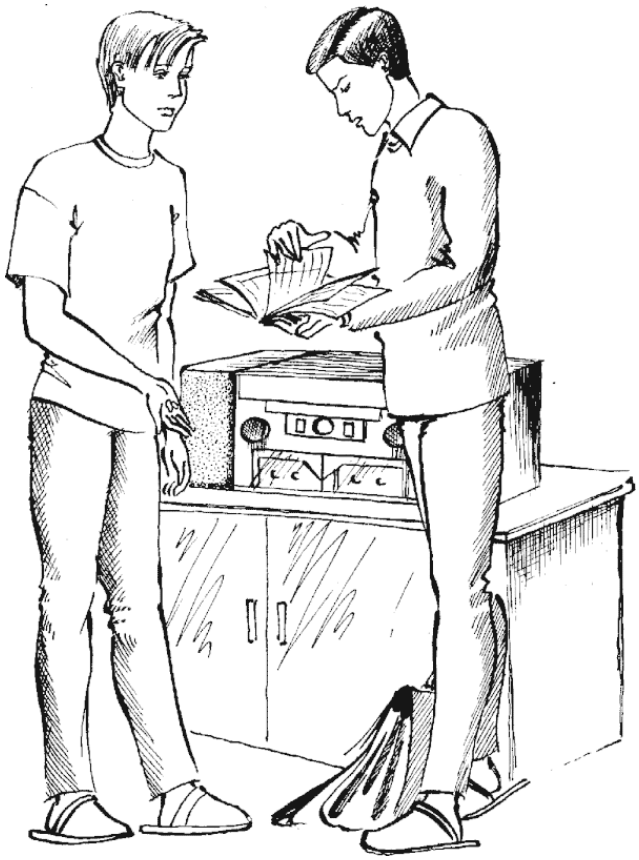
– Я вот что думаю, – рассудительный Колян опять закурил. Надо сказать, что в нынешней ситуации ребята абсолютно позабыли о существовании родителей и курили вовсю.

– Пару леденцов я съем завтра вечером, когда отчиму надо будет снова идти в милицию насчет нашей краденой машины. Он все равно ничего добиться на сможет, так что лучше уж я сам схожу. Поговорю со следователем по-свойски – авось, дело-то с мертвой точки и сдвинется. Иначе не видать нам тачки, как своих ушей.

– А как же отчим? – спросил Кирилл. – Он-то ведь тоже одновременно с тобой в милицию соберется!

– Не соберется, – загадочно ответил Колян и встал. – А тебе, Кирилл, советую: сходи к нашей классной, представься там хоть дядей двоюродным, хоть тетей и поговори с ней – она

зуб на тебя имеет. Да и на меня, впрочем, тоже. Ну, да не обо мне речь. – Он кивнул в сторону Аньки, беззвучно сидевшей в сторонке. – С ней-то как быть?



– Давай дадим ей несколько штук – и все, – Кирилл не мог скрыть возникшей неприязни к сестре. – Пусть делает с ними, что хочет, хоть все сразу съест!

– Нет, все сразу не надо, – Колька прошелся по комнате и принял простое решение. – Короче, все будем делать вместе! А сейчас, – он подошел к столу и взял два лежащих там леденца. – Сейчас пора назад.

С этими словами Колян вновь выпроводил так и не проронившую ни слова Анну из комнаты, после чего подошел к другу и дал ему одну конфету:

– Давай, борода, жуй!

Сам он тоже положил в рот зеленый леденец и сел в кресло, закрыв глаза. На этот раз действие леденцов наступило тотчас же. Колян как будто провалился в необозримую глубину тоннеля, перед глазами мелькали радужные круги, а в голове звучал целый оркестр.

Он явственно различал голоса отдельных инструментов, которые смешивались со звуками человеческой речи. Сейчас это состояние его уже не пугало, было даже как-то особенно приятно сознавать, что вот-вот все закончится, и он, Колян, вновь станет обычным пацаном-семиклассником.

На секунду Колька приоткрыл глаза и увидел Кирилла – тот уже почти целиком растворился в воздухе, оставив после себя лишь мерцающий силуэт. Экспериментатор взглянул на свои колени и не увидел их – сквозь его ноги была видна велюровая обивка кресла. «Прямо человек-невидимка!» – подумал он и вновь отдался гамме необычных ощущений.

В одно мгновение ему в глаза ударил яркий свет, причинивший боль, но тут же погас – и мальчишка ощутил ужасающую тишину. «Все! – подумал он. – Готово дело, можно открывать глаза!»

И действительно: напротив него на тахте лежал Кирилл – Кирилл прежний, без щетины и устрашающего выражения лица. Колян провел языком по зубам и обнаружил, что металл исчез.

Он тихонько встал с кресла и потряс товарища за плечо:

– Кирилл, дружище, вставай – все кончилось!

Кирилл открыл глаза и произнес:

– Как я выгляжу, Колян?

– Как и час назад, – Колька бегал по комнате, разгоняя руками папиросный дым. – У тебя скоро предки вернутся?

– Не знаю – должны вроде уже сейчас, – Кирилл поднялся, как свежевыструганный Буратино, – так медлительны и нескладны были его движения.

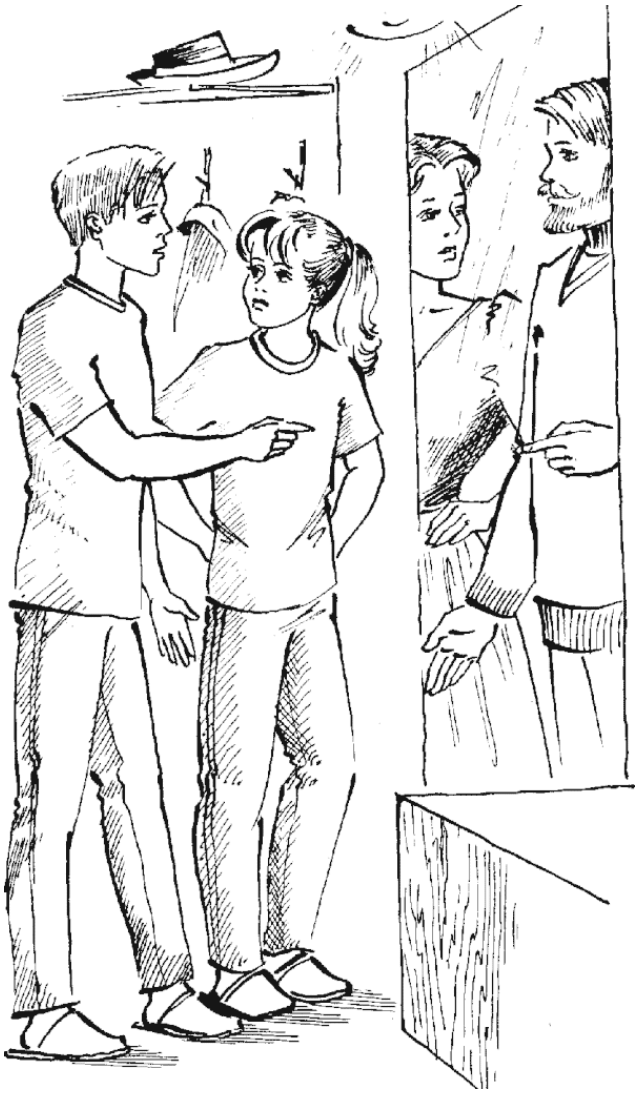
Он подошел к балкону, раздвинул шторы – и в комнату хлынуло солнце.

– Эх, хорошо, однако! Послушай, Колян, почему я чувствую себя, как новорожденный?

Колька тоже заметил этот необычный эффект действия леденцов. После перевоплощения у каждого из них было необыкновенно хорошее самочувствие. Ребята ощущали себя абсолютно счастливыми – и Кирилл вновь с громким уханьем кувыркнулся через голову на мягком ковре.

Глава 1. Две стороны одной медали

Плюс-минус двадцать лет



Испытав на себе действие волшебных конфет, ребята были, конечно, ошеломлены, возбуждены и переполнены впечатлениями.

Дни шли за днями, а они все не могли решиться на повторный эксперимент.

Все это время Аня неотрывно думала о волшебном действии конфет. «Хорошо бы стать взрослой, – мечтала она, сидя на уроке алгебры во время контрольной и уставясь в чистый лист тетради. – Никаких тебе контрольных, уроков, поручений, нотаций родителей. Живешь сам по себе, никто не лезет, не заставляет каждый день чистить зубы, грызть гранит науки и быть любезным с другими людьми только потому, что они умудрились родиться на несколько лет раньше. В общем, занимаешься только тем, что твоей душеньке угодно».

Мечты о взрослой жизни были так увлекательны, что когда прозвенел звонок, тетрадь, лежащая перед Аней, так и не увенчалась ни единым уравнением или графиком. И теперь за контрольную – Аня была в этом уверена – ничего, кроме единицы, она не получит. Настроение

у девочки было скверным, и она твердо решила: стать при помощи конфет взрослой навсегда и покончить наконец со всем этим «детским неравноправием».

Но когда Аня вернулась из школы, она застала Кирилла дома. Он сидел в гостиной, держал в руке пульт от телевизора и хмуро нажимал на кнопки, перескакивая с одной программы на другую. Аня была удивлена: по всем ее расчетам, Кирилл должен быть еще в школе, и она хотела потихоньку, без свидетелей, съесть волшебную конфету, стать взрослой и «уйти из дома в большой мир», чтобы в полной мере насладиться всеми его прелестями.

– Ты почему дома? – поинтересовалась Аня у брата. – У тебя ведь еще два урока должно быть, а потом ты ведь записался в теннисную секцию.

– У нас Кошкалда заболела, ее урок отменили, а в секцию я больше не пойду. Надоело во всем подчиняться взрослым. Встань так, руку подними вот эдак, отойди на два шага, подбеги на три… – передразнил он неведомого тренера и в сердцах швырнул пульт на соседнее кресло. На пульте, видимо, от соприкосновения с кожаной обивкой кресла, нажалась неведомая кнопка, и на экране телевизора вместо мурлыкающих наивную песенку героев мультфильма возникла какая-то толстая тетка в белом халате, которая нравоучительным тоном говорила о необходимости точно распланировать день ребенка, следить за правильной осанкой, заставлять его время от времени делать какие-то упражнения…

– Вот и здесь то же самое. Дети должны делать то, дети должны делать это… Детям нужно делать упражнения, а взрослым нет! Да видела ли она себя хоть раз в зеркале? Если бы она эти упражнения делала, весила б на несколько десятков килограммов меньше и, по крайней мере, влезала бы в экран! – раздражение Кирилла достигло апогея.

Аня его хорошо понимала, потому что все ее переживания в настоящий момент были созвучны чувствам брата – эта суровая действительность под названием «детство» надоела ей до чертиков.

– Быть взрослым – это такая прелесть, – мечтательно протянула девочка. – Никаких тебе школ, никаких нравоучений, ничему не надо учиться – ведь ты и так все знаешь, поскольку уже взрослая. А если прибавить сюда полную свободу действий, то вообще получается полный кайф!

– Да-да, – поддержал ее брат. – Просыпаешься, когда вздумаешь, можешь хоть до полудня валяться в постели – и никто тебе не скажет: «Кирилл, ты непременно вырастешь лентяем!» – потому что я уже вырос, а лентяем там или не лентяем, кому какое дело! И курить сигареты можно, не прячась по подъездам, чтобы тебя случайно не застукали предки или учителя, а открыто, сидя в кресле, эффектно стряхивая пепел в мраморную пепельницу…

Аню от этой мечты передернуло. Она ненавидела табачный дым.

– Нашел, чего желать! Курить он будет открыто! У тебя и от скрытого курения легкие скоро, как решето, будут, причем черного цвета. Да главное ведь совсем не в этом! Главное – свобода!

Кирилл был полностью солидарен с сестрой. Он уже достал коробочку с леденцами и стал перебирать красные и зеленые конфеты, выискивая, какой бы леденец ему выбрать на этот раз, но вдруг хлопнула входная дверь – и в прихожей послышались голоса родителей.

– Давай скорее есть конфеты! – торопила Аня брата.

– Какая же ты еще глупая! Ну превратимся мы сейчас во взрослых, ну и что? Да ведь если сейчас предки в гостиную войдут и увидят двух незнакомых взрослых людей, что они подумать могут! – Кирилл, как всегда, хладнокровия не терял.

– Ой, Кирька, а ведь ты прав! Что же делать будем? Когда же мы во взрослых превратимся?

– Сначала нужно сделать так, чтобы родители не беспокоились о нашем отсутствии. Иначе, в то время как мы будем наслаждаться прелестями взрослой жизни, они поднимут на ноги не только милицию всей страны, но еще обратятся в ФБР за помощью по розыску двух

подростков, которые исчезли неизвестно куда и неизвестно по какой причине. Вечером все и обмозгуем! – туманно пообещал он, засовывая коробочку с леденцами в карман. И вовремя, потому что в гостиную уже входил отец.

Отец был непривычно хмур. И хотя он весело поздоровался с детьми и стал интересоваться их делами, было видно, что оживление отца показное, он все время думает о чем-то своем. Аня, как чуткая дочь, тут же уловила эту перемену в настроении отца, обычно очень добродушного, и поэтому решила: лучшее, что они могут сделать сейчас, оставить отца наедине со своими мыслями. Она поцеловала «папулю» и потянула Кирилла за рукав, глазами указывая на дверь своей комнаты, мол, «не будем мешать папе, а лучше обсудим свои проблемы вдали от ушей взрослых».

Дети вышли из комнаты, и Сергей Петрович остался один. Он в раздумье качал ногой, и было видно, как по лбу его пробегали морщинки. Через некоторое время в комнату вошла жена и присела около мужа.

– Что-то ты, Сереженька, такой хмурый сегодня? – спросила она ласковым тоном. – Случилось что?

– Да нет, ничего особенного. Только надоело мне все до чертиков. Я на детей наших посмотрел и, не поверишь, – позавидовал. Вот это жизнь – ни забот, ни хлопот. Не надо заботиться о том, как заработать деньги не только на еду и одежду, но и на хороший отдых. Учись себе спокойненько, ходи на дискотеки, посещай спортивные секции – не жизнь, а малина. Нет начальства, которое так и норовит вызвать тебя на ковер и намылить шею, соседей – которые просто доводят тебя до белого каленья своими рекомендациями типа «вы должны побольше времени уделять своим детям». Не нужно думать о том, чтобы квартиру отремонтировали, автомобиль починили, а пуделя подстригли. Весь день бегаешь, как наш Ганнибал, с высунутым языком и некогда даже на этот язык бутерброд положить. Устал я, Олечка, и что-то так мне захотелось снова маленьким стать! И чтобы единственной моей заботой были размышления: навешать пилюлей Вовке из соседнего подъезда за сегодняшнее ябедничество или подождать до завтра.

– Ты уж что-то сильно в фантастику ударился. Разве можно повернуть жизнь вспять? Просто ты устал, замаялся, отдохнуть надо. Приляг, а я сейчас плед принесу и травяной чай заварю покрепче, – с этими словами Ольга Владимировна вышла из комнаты.

Жаль, что дети не слышали этого диалога. Жизнь врослых вовсе не была таким раем, каким казалась ребятам. Рядом с самостоятельностью соседствует ответственность, независимость сочетается с необходимостью своим трудом зарабатывать на жизнь себе и свои домочадцам. Да и свобода взрослого человека весьма ограничена. Он живет среди людей, и потому должен соблюдать законы, принятые в обществе, вести себя в соответствии с общепринятыми нормами поведения и уважать людей, живущих рядом с ним.

Но наши герои не ведали о трудностях и проблемах старшего поколения. В этот самый момент они как раз договаривались о том, как в полной мере насладиться прелестями взрослой жизни.

Плюсы! И… Минусы?

Кирилл и Аня решили немного побыть в шкуре зрелых людей. Хотя весь их план был построен на лжи, но ребята надеялись, что нагромождение одной неправды на другую не рухнет в один прекрасный момент, а поможет им понять, стоит взрослеть или лучше не торопиться и еще немного побыть маленькими.

Родителям Аня и Кирилл надумали сказать, что школа закрывается на карантин и что на эти несколько дней они хотят поехать в деревню навестить горячо любимого, но всеми покинутого деда. Версию карантина должны быть подтвердить Колька и Наташа, как верные дру-

зья. В школе же придется соврать, что дед их лежит на смертном одре и спасти его может только присутсвие нежно любящих его внуков. Сами же брат с сестрой хотели во взрослом виде поселиться в квартире маминых друзей (те на некоторое время уехали из города, а ключи вручили Ольге Владимировне вместе с просьбой наведываться туда изредка и смотреть, все ли в порядке). Мама была там только вчера, так что брат с сестрой надеялись, что маме не придет в голову наведаться в квартиру еще раз за такой короткий срок.

Кириллу, который и выступал инициатором всей этой затеи, план очень нравился, но вот Аня в сомнении качала головой. Она не привыкла говорить неправду и боялась, что весь их замысел с легкостью раскроется.

– Не хочешь быть большой – сиди дома и ходи в школу, – наконец выговорил сестре рассерженный Кирилл. – Я же, в любом случае, ем конфету и становлюсь взрослым. Баста!

Ане пришлось, скрепя сердце, с ним согласиться.

Эксперимент решили не откладывать и провернули все прямо на следующий день. В школе с подобающей случаю миной и со слезами на глазах рассказали о болезни деда и клятвенно пообещали, что, вернувшись через некоторое время, будут заниматься с удвоенной энергией. Дома, глядя в доверчиво распахнутые мамины глаза, врали про карантин, и упомянули о том, что находиться в городе во время страшнейшей эпидемии небезопасно, и просились поехать в гости к деду.

– Все-таки взрослых обмануть гораздо легче, чем детей, – философски заметил Кирилл, когда они с сестрой, нагруженные вещами и назиданиями родителей, как вести себя в дороге, ехали в квартиру маминых знакомых.

Аня, занятая мыслями о собственной «взрослой» жизни, только кивнула головой.

По приезде на место брат с сестрой не стали распаковывать чемоданы и осматривать новое место жительства, а просто свалили сумки в кучу и тут же достали коробочку с леденцами.

– Ох, Кирилл, что-то я боюсь, – вдруг зашептала Аня брату и даже передернула плечами. – А вдруг не получится?

– Ага, – иронично заметил Кирилл. – В первый раз получилось, а теперь не получится.

– Так это же волшебные конфетки, кто их знает, какие там механизмы задействованы. Вдруг им обстановка не понравится или еще что? А может, они только при определенной температуре воздуха действуют?

– По-моему, это у тебя сейчас температура поднялась – чушь несешь, как в бреду. Так я и знал, что не надо связываться с девчонкой! Лучше бы я Кольку с собой захватил…

– Как это Кольку?! Колька тебе сестра, что ли? – возмущенная Аня первой схватила красную конфетку и, не раздумывая, сунула ее в рот.

Девочку тут же подхватил волшебный вихрь, перед глазами стали проноситься какие-то разноцветные пятна, то приближаясь, то удаляясь и загадочно мерцая, потом все стало крутиться с бешеной скоростью, и Ане показалось, что ее засасывает в какой-то темный туннель…

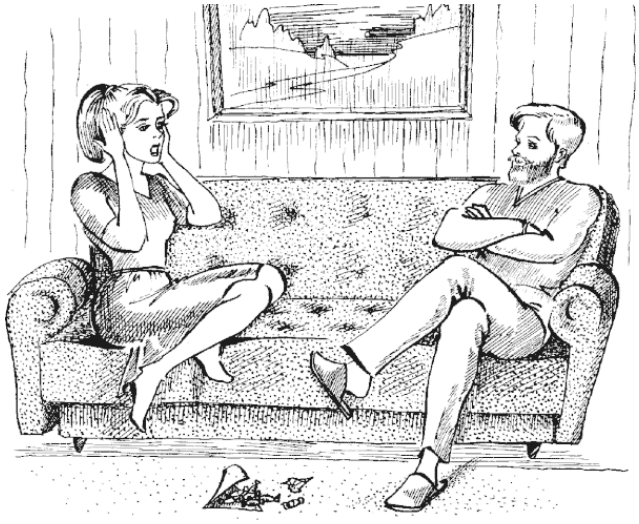
Когда девочка очнулась, она обнаружила, что сидит на диване, а рядом с ней примостился какой-то взрослый парень. Комната воспринималась под каким-то другим углом зрения.

Аня, недоумевая, внимательно оглядела незнакомую обстановку и, только взглянув на свои руки, – ухоженные, с красивым маникюром вместо обгрызанных ногтей, – поняла, что произошло: она просто стала большой. Но кто же был этот парень? Он приоткрыл глаза и взглянул на нее. Блеснули знакомые Ане лукавые огоньки, и она с облегчением вздохнула:

– Кирилл! Это ты, что ли?

– Ну ты, блин, даешь, брата родного признавать не хочешь!

И речь, и интонации были настолько знакомы, что все еще тлевший в душе Ани огонек сомнения погас окончательно, и она с облегчением засмеялась.



– Встретила бы на улице – ни за что бы не признала.

Кирилл действительно выглядел очень даже неплохо, крепкий, спортивный, и только растрепанная шевелюра все еще как-то отдавала детством. Аня же превратилась в симпатичную девушку, стройную и ясноглазую.

– Ну что будем делать теперь? – спросила Аня.

– Не знаю, как ты, а я отправляюсь навстречу приключениям, – Кирилл помотал перед носом девушки брелоком с ключом от их «Фольксвагена», и в душу девушки закрался страх.

– Господи, Кирилл! Ты хоть водить-то умеешь?

– А чего тут уметь? У меня на компьютере игра такая была, как будто ты за рулем автомобиля и мчишься со всей скоростью по автостраде. Я в ней до пятого уровня доходил. Да не пугайся ты, – добавил он, заметив, как глаза сестры наполняются ужасом, – все будет о'кей.

– Ага, о'кей, а вдруг ты в аварию попадешь?

– Да что ты каркаешь? Все будет в порядке!

И Кирилл заспешил на улицу. Сбежав вниз по лестнице, он вышел из дома и устремился туда, где был расположен их гараж. Мама на работе, отец в очередном рейсе – Кирилл мог не опасаться, что его застукают. Больше всего он боялся, чтобы никто из соседей не прошел или не проехал мимо – тогда посыпались бы вопросы, весь план мог бы сорваться, да еще и в милицию могли бы сообщить, ведь его здесь в образе взрослого никто бы не признал за «своего».

В глубине двора, там, где стояли гаражи, недавно выпавший снег сиял нетронутой белизной.

Успешно преодолев это препятствие, Кирилл остановился перед металлической дверью своего гаража. Там, за ней, находился и, наверное, мерз от холода их автомобиль. Несмотря на несколько лет, проведенных в семье Андреевых, заграничное авто все еще не привыкло ни к нашим дорогам, ни к суровой зиме, и потому папа старался свести эксплуатацию автомобиля в зимнее время к минимуму.

Заледеневший на холоде замок открыть было непросто – на это было потрачено минут десять.

Наконец, после долгих сопротивлений замок поддался, и двери распахнулись, представив взору парня автомобиль, всем своим видом выражающий желание немедленно тронуться в путь.

На замок от дверцы машины пришлось дышать – его покрывал слой изморози. Кирилл открыл дверцу, ввалился на сиденье и тут только перевел дух. Конечно, ему было немного страшно – еще никогда он так грубо не нарушал один из строжайших отцовских запретов –

ни при каких обстоятельствах не прикасаться к машине – но сейчас парень считал, что игра стоит свеч.

Его рука как бы сама потянулась к замку зажигания с ключом. Он точно знал, что надо делать. В него как бы вселились навыки вождения машины.

Теоретически Кирилл понимал весь порядок действий. Но его рукам не хватало элементарного опыта. Помогло то, что отец когда-то пытался учить его, еще маленького, как обращаться со всеми этими педалями, рулем.

«Ура!» – решился наконец Кирилл, нажал педали в очередности, показавшейся единственно правильной, сдвинул рычаг переключения скоростей, и машина плавно выехала из гаража. Надо было закрыть ворота. Он остановился, посидел немного, наслаждаясь чувством гордости, и полного удовлетворения собой. Потом вышел, закрыл ворота гаража, сел в машину, проделал те же движения руками и ногами, напоминающие ему ритуальный танец, – порабощение автомобиля человеком – и тронулся вперед, навстречу приключениям.

Автомобиль вел себя, как покорный слуга, подчиняющийся малейшему движению пальца. Когда Кириллу хотелось, автомобиль немного замедлял ход, слегка притормаживая, потом «водитель» плавно пускал машину вперед, сливаясь с ней. Машина, явно заскучавшая в гараже, вела себя, как застоявшийся конь.

– Да, вот что значит – взрослый человек! – подумал он. – Что хочу, то и делаю. Захочу – поеду сюда, захочу – туда, и никто мне не указчик. Могу вообще остановиться.

Но останавливаться Кириллу как раз не хотелось, и он продолжал движение вперед, вырулив из небольшой, пустынной улочки, которая вела от дома, на довольно оживленное шоссе.

Тут ему, конечно, необходимо сосредоточиться. Справа и слева его обгоняли машины. Когда Кириллу вздумалось повернуть, какой-то водитель, высунувшись из окна своего автомобиля японской марки, грубо крикнул ему:

– Мужик! Что тебе, жить надоело? Ты смотри, куда едешь, куда поворачиваешь, – следом пошел поток легкопроизносимого и трудно переводимого на другой язык русского фольклора.

Сердитый водитель прибавил скорость и уехал, а Кирилл, остановившийся в полной растерянности, вдруг понял, что знания, как водить автомобиль, у него есть, а вот правила дорожного движения никак не воспроизводились ясно в его мозгу. Все, что он мог вспомнить, ограничивалось одним банальным советом: «Переходя улицу, внимательно посмотри сначала налево, потом направо». К правилам для автомобилистов это никак не относилось, скорее всего, так должны были поступать пешеходы, стремясь защититься от таких водителей, как он.

Быть взрослым оказалось вовсе не так увлекательно, как он себе представлял, потому что приходилось нести ответственность не только за себя. При мысли о том, что может произойти, если он случайно повернет не в ту сторону или не заметит пешехода, у Кирилла на лбу выступил холодный пот.

Через некоторое время он взял себя в руки и опять выехал на автостраду. Движения парня с каждой минутой становились все более и более точными.

Он попутно следил за потоком машин, едущих куда-то, и за мельканием мигающих поворотников машин. Все это сливалось в цветной калейдоскоп, который с детства представлял для мальчишки главную ценность путешествия по вечернему городу.

Вдруг мысли его резко прервались. Перед машиной мелькнуло что-то темное, и Кирилл отчаянно нажал на тормоза, одновременно закрыв глаза.

Взвизгнули тормоза, парня резко толкнуло вперед, он ударился головой о лобовое стекло и на несколько секунд отключился. Придя в себя, первым делом ощупал голову – крови не было, но сильно болел лоб, на котором вспухала огромная шишка; и еще побаливала грудная клетка – он все-таки крепко ушибся об руль.

«Могло быть и хуже», – такой была первая мысль, посетившая гудящую голову любителя приключений. Вторая мысль только собиралась родиться, но не успела. Открылась передняя

дверь автомобиля, и ему предстало лицо взлохмаченного паренька, дрожащего, с открытым ртом и умоляющим взглядом.

– Какого черта ты, придурок! – заорал Кирилл, дав, наконец, выход эмоциям. – Какого ты под колеса лезешь, жить, что ли, расхотелось?!

– Тут… мой папа… лежит… – парнишка еле шевелил губами. При этом он рукой показывал куда-то на обочину дороги. Кирилл рассмотрел темный силуэт человека, неловко прислоненного к стволу дерева. Даже издали было видно, что пострадавший без сознания.

– Мы с ним шли, и вдруг он остановился, за сердце схватился… Я его стал поддерживать, а он только на дерево оперся, сказал: «Ничего, ничего, сейчас все пройдет, – и упал, – я его зову, а он ничего не отвечает. Вокруг никого нет, я стал машину ловить, ну, чтобы кто-нибудь помог, а никто не останавливается, все проезжают мимо, ну, вот я и… – и парень, уже не в силах сдерживаться, всхлипнул».

Парнишка уже не мог говорить – слезы крупными горошинами катились из его глаз, а плечи содрогались от еле сдерживаемых рыданий. Кириллу стало страшно. Сидящий на земле человек ничем не напоминал его отца, но он подумал, что бы он сам стал делать на месте вот этого бедолаги. Наверное, тоже, отчаявшись, кинулся бы под первую проезжающую машину…

«А чем я могу помочь?!», – пронеслось в голове Кирилла. Знаний, полученных от волшебной конфетки, хватало лишь на то, чтобы более-менее сносно водить машину, медицинских же познаний таким образом получить сейчас было нельзя.

«Что ж, Кирюха, будем выкручиваться сами», – принял решение молодой водитель.

– Так ты говоришь, схватился за сердце? У него вообще сердце больное? И долго он так лежит? – задавая вопросы, Кирилл пытался приподнять тяжелое тело. К счастью, это оказалось не так трудно. «А, я же взрослый, – вспомнил он, – значит, и сил у меня больше. Хоть это хорошо». Парень ему помогал, и вдвоем они смогли перетащить мужчину на заднее сиденье автомобиля.

Первым делом Кирилл распахнул куртку, расстегнул рубашку и послушал, бьется ли сердце. Прошло несколько секунд, пока он услышал первый удар. Потом, через некоторое время, – еще один. Сердце билось, но очень слабо, делая иногда продолжительные, неравномерные остановки.

«Живой», – подумал облегченно Кирилл. «Пока живой», – пришло ему на ум секундой позже. Действительно, надо было что-то делать. Конечно, мужчину необходимо как можно скорее отвезти в больницу, но кто знает, вдруг за время пути эти слабые и неравномерные удары сердца совсем прекратятся?

Нет, надо было помочь больному немедленно, и Кирилл решился:

– Будем делать искусственное дыхание?

– А вы умеете? – робко подал голос парень.

– Да. Нас в школе на специальных занятиях учили. – И, уловив недоумевающий взгляд, быстро поправился: – Когда-то. А потом мне приходилось это делать неоднократно.

На самом деле, Кириллу никогда не приходилось применять эти знания на практике, он так сказал для придания уверенности парню, почти его ровеснику, и, конечно же, себе. Сейчас он с усилием вспоминал содержание того урока. Как назло, в голову, кроме полезных знаний, лезли еще и воспоминания о том, как «живой моделью» вызвалась быть Леночка, их классная красавица, в результате чего желающих делать искусственное дыхание мальчиков было предостаточно.

Прогнав эти неуместные сейчас мысли, Кирилл приступил к делу. Прежде всего он положил под голову мужчины валик, сложенный из собственной куртки, так, что голова немного запрокинулась. При этом у больного приоткрылся рот. Кирилл приблизил свои губы к губам мужчины, набрал полные легкие воздуха и вдохнул его в рот больного. Грудь того, кто лежал перед ним, заметно приподнялась.

Кирилл остановился на секунду передохнуть, и тут заметил, что у мужчины дрожат веки. Тогда он слегка похлопал его по щекам и настойчиво спросил несколько раз:

– Вы нас слышите?.. Как зовут отца? – обратился он к парнишке.

– Олег Владимирович, – ответил тот, и сам стал повторять:

– Папа, папа, ты меня слышишь? Очнись!

Мужчина приоткрыл глаза. Сначала взгляд у него был мутным, неосмысленным, затем стал понемногу проясняться, мужчина увидел сына и попытался заговорить.

– Молчите, молчите, вам говорить нельзя! – решительно произнес Кирилл, у которого словно камень с души свалился.

Уложил мужчину на заднем сиденье поудобнее, хозяин автомобиля сел на водительское место, захлопнул дверь и тронулся с места, стараясь ехать быстро и в то же время аккуратно. Парнишка скорчился на маленьком пятачке около заднего сиденья, рядом с отцом, и поддерживал его голову, поминутно спрашивая: «Папа, ты меня слышишь? Тебе уже лучше, правда?»

Куда же отвезти больного? Кирилл совсем уже собирался остановиться у первого телефона-автомата и позвонить «03», но тут увидел в зеркале белую машину с красной полосой и крестом, как будто материализовавшуюся из его мыслей.

Быстро приняв решение, он произвел сложный маневр, в результате чего «занял положение, препятствующее свободному движению», то есть встал поперек дороги, открыл дверь и выскочил из машины. Глядя на приближавшуюся «Скорую помощь», Кирилл махал над головой руками и что-то кричал, чтобы тем, кто сидел в ней, было сразу ясно – человек в беде.

Когда «Скорая помощь» затормозила, Кирилл быстро подбежал к водителю и выпалил:

– Там, в машине, человеку плохо. Сердце. Нужно его срочно в больницу. Первая помощь уже оказана.

То же он повторил и санитарам. Те привычно профессиональными движениями достали носилки, осторожно уложили на них мужчину, погрузили их внутрь машины. Пока не закрылись дверцы, Кирилл наблюдал, как врачи проверяют пульс, ставят капельницу и производят важные и необходимые для спасения человеческой жизни манипуляции.

Дверь захлопнулась, скрыв от взгляда спасителя эту картину и парнишку, сидевшего, сжавшись, около отца.

«А я так и не спросил, как его зовут», – подумал как-то враз уставший Кирилл.

Он почувствовал, что очень хочет домой. Съесть бы конфетку и вернуться в свои уютные и привычные тринадцать лет. «Нет, хватит на сегодня приключений, – подумал он. – Оказывается, взрослым быть не так уж и просто, даже если знаешь немного больше, чем до этого. Надо принимать решения, от которых иногда даже зависит судьба человека». Кирилл вспомнил, как в тот момент, когда он увидел больного мужчину, ему больше всего захотелось стать снова маленьким, ровесником того парня, который обратился к нему за помощью, и вместе с ним пойти искать какого-нибудь взрослого, который мог бы взять на себя эту ответственность.

– Пора домой, – решил Кирилл, сворачивая к дому. Поставив машину в гараж, Кирилл долго смотрел на светящиеся окна своей кватриры и думал о том, чем сейчас занимается мама.

Наверное, сидит на диване, смотрит телевизор, в руках – новые джинсы, которые я умудрился разодрать на второй день после того, как их мне купили, и думает о том, можно ли их починить или проще сразу выбросить. И никого возле нее нет, ни папы – он в рейсе, ни детей, которым приспичило немедленно повзрослеть.

Но в мамином одиночестве был один плюс: по крайней мере, у нее появилось время немного отдохнуть, а не орудовать на кухне тостером, миксером, микроволновкой, кофеваркой и еще какими-то бытовыми приборами, названия которых Кирилл даже не знал.

«А ведь у детей нет обязанности заботиться о других, как у взрослых. Они отвечают только за себя, а родители еще должны думать о том, как нас накормить, одеть, дать нам приличное образование и воспитание. И мне, когда я вырасту по-настоящему, придется заботиться

о своей семье, о детях, о стареньких родителях… Это большой минус взрослой жизни», – размышлял Кирилл по пути к своему временному месту жительства.

А дома было совсем не так, как воображал себе взрослый сын. Мама, конечно, сидела на том самом диване, что возник в воображении Кирилла, но была она не одна, а (держитесь, не падайте) вместе с… Аней. Вы, конечно, спросите, как это наша героиня попала в свой собственный дом? Ведь в это время она якобы должна сидеть около горячо любимого деда и попивать чай с малиновым вареньем. Именно это втолковали маме. И она поверила. О том, что рядом с ней сидела ее собственная дочь в образе элегантной дамы, она и не догадывалась.

Аня же в свою квартиру попала благодаря ею же разработанному плану, и пока все шло как по маслу.

Но все по порядку!

Итак, после того как за Кириллом захлопнулась дверь, Аня осталась одна. В образе неотразимой девушки она чувствовала себя преотлично. Напевая, отправилась в спальню маминой подруги и, воспользовавшись обилием косметики и модным журналом, через два часа привела себя «в полную боевую готовность», то есть нанесла на лицо столько грима, сколько на нем могло удержаться. Долго изучала свое отражение в зеркале, потом направилась в ванную и смыла вызывающий макияж горячей водой с мылом.

– Бедная мама, – вытираясь полотенцем, думала Аня, – сколько же ей ежедневно времени надо, чтобы «сделать лицо», как она говорит. Иногда, например на дискотеку, это еще куда ни шло, но заниматься этим каждое утро! Это на сколько же раньше вставать нужно? А если еще и делать специальные упражнения для поддержания формы, как это делает мама, вообще

некогда спать. Хотя, конечно, можно все это игнорировать, форму, но тогда на кого же ты похожа будешь? На пугало огородное? Н-да, у детей одно неоспоримое преимущество: они, в отличие от взрослых, не стареют. Мне, например, пока ни упражнения не нужны, ни косметика. Все равно выгляжу такой молоденькой…

От этих рассуждений Ане стало так жаль взрослую маму, что у нее даже слезы на глаза навернулись.

– Это сколько же у нее обязанностей? Ну-ка, подсчитаю. Готовить нам завтраки, обеды и ужины и терпеливо сносить наши капризы – раз. Заботиться о нашей одежде – стирать, гладить, зашивать порванные в драках рубашки Кирилла и выбирать одежду в магазине, модную и недорогую, – два. Наводить порядок в квартире, учитывая, что мы с Кириллом редко ей помогаем, а папа вообще не имеет представления, как пользоваться пылесосом, – три. Кормить Ганнибала, купать его, рассчесывать, чесать за ухом и все время нас упрашивать, чтобы вывели пса погулять, – четыре. А еще и деньги зарабатывать, и на школьные собрания ходить, и за собой ухаживать, и всегда приветливой быть… Пальцев на руках не хватит, чтобы подсчитать, сколько всего она «должна». И все потому, что она взрослая. Все эти обязанности можно занести в графу со знаком минус, тогда в другой графе – со знаком плюс, будут стоять только самостоятельность и независимость.

И Ане стало не по себе. Ведь когда она вырастет, то…, у нее слезы навернулись на глаза, но она вовремя вспомнила, что она взрослая, и не заплакала. Она стала размышлять о том, как сделать маме приятное и чем ей помочь. Через несколько секунд программа под названием «Посильная помощь маме в домашнем хозяйстве» была разработана до мелочей.

Аня быстро оделась и помчалась к собственному дому. В подъезд она влетела, как ветер, быстро стала взбираться по лестнице – и только за один лестничный пролет до двери собственной квартиры спохватилась, перешла на спокойный и твердый шаг, чуть помедлила и уверенно нажала кнопку звонка.

– Кто там? – раздался голос мамы, которая, поглядев в глазок, увидела незнакомую красивую строго одетую девушку.

– Из благотворительной американской организации «Культурная помощь населению по освоению новых принципов ведения домашнего хозяйства по установленным стандартам XXI века», в частности «Отдел кулинария как средство повышения жизненных сил индивидуума, источник радости и наслаждения».

Выговорив все это, Анька почувствовала настоящую гордость за то, что она является членом такого высокогуманного проекта, и, застенчиво улыбнувшись, добавила:

– По-английски это будет…

Тут она произнесла труднопроизносимую фразу на английском языке, чуть не сломав себе язык.

Щелкнул замок, мама показалась на пороге.

– Проходите, пожалуйста, проходите, – осторожно говорила она, пропуская гостью, – мы очень рады, но почему именно к нам?

– Выбор клиентов, нуждающихся в нашей помощи и опеке, делает компьютер, – непреклонным голосом произнесла Анька и, не давая маме опомниться, строго спросила:

– Где у вас кухня?

Идя за суетливо показывающей дорогу мамой, Анька продолжала:

– Имеется ли у вас минимальный набор продуктов, требующийся для обеспечения членов вашей семьи полноценными белками, жирами, углеводами, минеральными солями, витаминами? Или, может, вы предпочитаете искусственную пищу?

– Ну что вы, – растерянно оттозвалась мама, – мы любим натуральную пищу. Вот только готовить сегодня не для кого. Муж в командировке, а у детей в школе карантин, и они поехали в деревню навестить деда. Так что я одна.

– Но вам же тоже питаться нужно.

Мама улыбнулась:

– Только если вы мне потом составите компанию. Итак, что будете готовить?

Тут у Аньки произошла какая-то мешанина желаний и возможностей. С одной стороны, она как бы стала взрослым человеком, многое знающим и умеющим, а с другой стороны, она оставалась все той же Анькой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сказать честно, она думала, что будет только руководить и подсказывать, как и что делать, – откуда-то в голове у нее оказалось полно кулинарных рецептов, но мать, видимо, поняла ее по-другому. Отступать назад было поздно.

– Главным блюдом ужина у нас будет пицца! – уверенно объявила Анька, решившая взять быка за рога. – Приготовьте мне, пожалуйста, муку, томат, мясо, помидоры, грибы, маслины, сыр и вообще давайте все, что у вас есть в холодильнике, – разберемся.

– Замечательно! Тем более что это любимое блюдо моей дочери. Но она предпочитает заказывать уже готовую пиццу, нежели возиться на кухне, – сказала мама и достала из шкафа муку, помидоры, перец, из холодильника – сосиски и сыр, и сказав «сейчас, минутку», вышла из кухни.

Анька в недоумении стояла перед горой продуктов и мучительно думала: «С чего же начать?» Мысленно она уже видела перед собой разноцветную, аппетитно дымящуюся пиццу, знала даже, что нужно в нее положить, но как это делать – тут ее мысль наталкивалась на какое-то препятствие, которое она не в силах была преодолеть. Решила начать с теста. Конечно, в любом другом случае она бы приобрела полуфабрикат в магазине, а потом подогрела бы пиццу в микроволновке, чтобы не возиться, но тут нужно было поддерживать честь фирмы. Аня активно взялась за приготовление, и хотя не все получалось так гладко, как она хотела бы, дело двигалось.

Вскоре пришла мама с маленькой баночкой грибов, которую она достала из запасов, и одобрила действия девушки.

Понемногу приходила уверенность в том, что все делается правильно. Вдоволь помяв и похлопав тесто, Аня положила колобок на чистую тарелку, накрыла салфеткой и сказала:

– Теперь нужно подождать двадцать минут, – это она почему-то знала.

С нарезкой овощей дело пошло легче. В упоении она их крошила, как только позволяла фантазия: и кружочками, и ломтиками, и полумесяцами, а также треугольниками и квадратиками.

– Как это ловко у вас получается, – подала голос мама, наблюдавшая за процессом.

– А вот у моей дочки, к сожалению, совсем нет охоты заниматься готовкой и вообще домашними делами.

«Знала бы ты», – подумала Аня, раскрасневшаяся от непривычной работы, но промолчала и, сложив на тарелку все те овощные геометрические фигуры, которые сотворила, спросила:

– Ну, где у вас противень?

Анька разложила на противне тесто, раскатанное в плоский блин, густо смазала поверхность томатным соусом, разместила вперемешку нарезанные овощи, сосиски, достала из баночки грибы, уложила их красивым узором и густо засыпала все свое творение тертым сыром. Засунув приготовленное в микроволновку, она произнесла:

– В течение двадцати-тридцати минут данное блюдо будет находиться под воздействием высоких температур, благодаря чему приобретет высокие вкусовые и питательные качества, – и неожиданно для себя самой добавила: – Ю си? Гэррит?

– Что-что? – переспросила мама.

– Я говорю: понятно? Усекли?

– А, да, ес-ес, – заторопилась мама и добавила на всякий случай: – О'кей.

– На сладкое мы можем сделать пудинг, – сказала Аня и вопросительно посмотрела на мать.

– По-моему, для одного ужина это слишком. Иначе ваша и моя фигуры скоро расплывутся.

– Вы совершенно правы, – с облегчением произнесла дочь. За время приготовления пиццы она так устала, что у нее просто не было сил готовить что-либо еще, хотелось сесть, наконец, в кресло, закрыть глаза и расслабиться.

– А как вы смотрите на то, что мы поужинаем в гостиной? Проходите, пожалуйста, а я сейчас кофе приготовлю.

Девушка с облегчением присела и вытянула ноги. Через несколько минут в гостиную вошла мама с подносом, на котором стояла тарелка с дымящейся пиццей, кофейник с кофе, вазочка с печеньем и ее любимым мармеладом. Все это было расставлено с таким вкусом, а чистая посуда так празднично сверкала, что Ане, которая вспомнила беспорядок, оставшийся после нее на кухне, стало стыдно.

Во время ужина мама и дочь разговорились, словно две подруги.

– Это, наверное, ужасно тяжело иметь семью – столько обязанностей! И когда вы только все успеваете?

– Ну, это не так страшно, как вы представляете. Зато у меня есть семья, которая делает меня счастливой. Конечно, хотелось бы иногда стать маленькой девочкой, за которую принимают решения учителя и родители, имеющей много свободного времени для занятий по душе, но с другой стороны, я бы не променяла свою жизнь ни на какую другую!

Детство хорошо своей беззаботностью, однако и взрослая жизнь вовсе не так уж и страшна, какой казалась ей в последнее время. Но стать взрослой сейчас и навсегда Ане вовсе не хотелось. «Пусть все идет своим чередом, – решила девочка —, и детство, и юность, и взрослая жизнь».

Девушка взглянула на часы. Было уже слишком поздно. Кирилл, наверное, уже давно дома и ждет не дождется, когда придет сестра. Она заторопилась.

– Большое спасибо вам и вашей высокогуманной организации, – сказала мама с улыбкой. – Мы прекрасно провели время, а я боялась, что вечером буду в одиночестве. Давайте я вам вызову такси, уже слишком поздно идти домой одной, – продолжила мама, направляясь к телефону, стоящему в коридоре.

… Через полчаса, когда Аня возилась с замком незнакомой квартиры, дверь внезапно распахнулась, и она увидела встречающего ее на пороге Кирилла. Брат был явно расстроен.

– Случилось что? – обеспокоенно спросила Аня, входя в квартиру.

– Да все нормально, вот только джинсы разорвать умудрился, полчаса с ними вожусь, никак не могу дыру заштопать. Может, у тебя получится? – Кирилл с надеждой посмотрел на сестру.

Для починки джинсов брата понадобилось битых два часа, но и после этого работу нельзя было назвать качественной, хотя у Ани кровоточил палец, исколотый иголкой, и болел язык, который она высовывала и прикусывала, чтобы помогать себе при шитье.

– Н-да, – сказал Кирилл, рассматривая коряво пришитую заплатку. – У мамы это получалось гораздо аккуратнее.

– Быть взрослой, Кирюша, вовсе не такое уж счастье. Давай лучше опять станем детьми и вернемся домой. Доставай скорее конфетки!

И только тогда, когда двое взрослых людей снова превратились в мальчика и девочку, наши герои почувствали себя счастливыми. Взрослая жизнь подошла к концу. Да здравствует детство!

Без детства жить нельзя на свете, нет…

Кирилл потерял волшебные конфеты. Он заметил свою пропажу только после бурного, наполненного событиями дня, когда явился домой и полез в карман, нащупывая ключ от квартиры. Ключ был на месте. Коробочки с конфетами не было. Кирилл проверил еще раз. Ощупал все карманы, на всякий случай пошарил в сумке с учебниками – заветная коробочка отсутствовала. Мальчишка стал клясть себя последними словами и мучительно размышлять о том, где он мог потерять волшебные леденцы. Может, еще в школе, где он показывал коробочку Кольке, или во время того, как друзья «вели базар» с Кокоревым и его компанией, или в автобусе, или по дороге… В общем, леденцы могли выпасть из кармана где угодно, и теперь не было смысла отправляться на их поиски.

Кирилл присел на ступеньку лестницы. Ему было стыдно встречаться с сестрой, ведь утром она говорила ему, что не нужно брать леденцы с собой, их так легко потерять… Вот и накаркала!

Тут дверь их квартиры неожиданно распахнулась, и на лестничную площадку вышла Аня, которая, видимо, собралась к подруге. Увидев брата на ступеньках лестницы, она удивилась:

– Кирюша, ты чего здесь сидишь? Почему домой не идешь? Иди скорее, там мама такой пирог сочинила… – весело начала она, но осеклась, заметив виноватое выражение лица брата.

– А ты почему такой?

– Я… Я… конфеты потерял.

Аня присела рядом с братом. Кирилл был благодарен сестре, что она не выговорила назидательную фразу «я же тебе говорила», а промолчала. Все-таки Анька была девчонка что надо…

– Ну ничего, не расстраивайся, подумаешь, конфеты. Мы же все равно станем взрослыми, вот только не сейчас, а со временем…

Аня не успела договорить, как на лестнице появился старичок, который жил над квартирой Андреевых. Старичок был немного странным – ни с кем не разговаривал, иногда без причины хихикал себе в седую бородку, не реагировал ни на какие приветствия – то ли был глухим, то ли притворялся, но на этот раз он приостановился и произнес неожиданно ясным, без старческой скрипучести, голосом, тоненьким и писклявым.

– Здравствуйте, молодые люди!

– Здравствуйте, – растерянно отозвались брат с сестрой, никогда не слышавшие, чтобы старичок разговаривал. Они встали со ступеньки, чтобы пропустить старичка. Но он и не думал проходить мимо них.

– Вы ничего не потеряли? – старичок протянул раскрытую ладонь, на которой лежала та самая, потерянная Кириллом коробочка с конфетами.

– Ой, это наша коробочка! Где вы ее нашли? А откуда узнали, что она принадлежит именно нам?

– Я вообще знаю об этой волшебной коробочке слишком много. Ведь на самом деле я не старик, а мальчик.

– Мальчик? Вы съели красный леденец? – догадалась Аня. – Вам просто нужно съесть конфету зеленого цвета, и тогда все станет на свои места.

– Дело в том, что конфеты мне уже не помогут. Если вы хотите, я могу рассказать вам свою историю. – Дети согласно закивали головами, он примостился на ступеньку между братом и сестрой и начал свое повествование.

«Когда я был маленьким, мне очень хотелось, как и вам, стать взрослым. Правда, мне было тогда меньше лет, чем вам, – я только пошел в первый класс. Но я был не по годам

развитым ребенком, умел не только читать, писать и считать, нет, я уже брал из библиотеки отца большие толстые книги и зачитывался ими до утра.

Меня привлекали приключения, отношения между людьми, различные профессии, которые только существуют на земле, меня манила свобода, которой пользуется взрослый человек. Как я мечтал стать взрослым! И то, что я пошел в школу, казалось мне началом новой жизни – жизни, где я обрету еще больше знаний, смогу показать все, на что я способен (как мне тогда казалось), с легкостью решу все взрослые проблемы, которые с высоты моего возраста казались мне даже смешными.

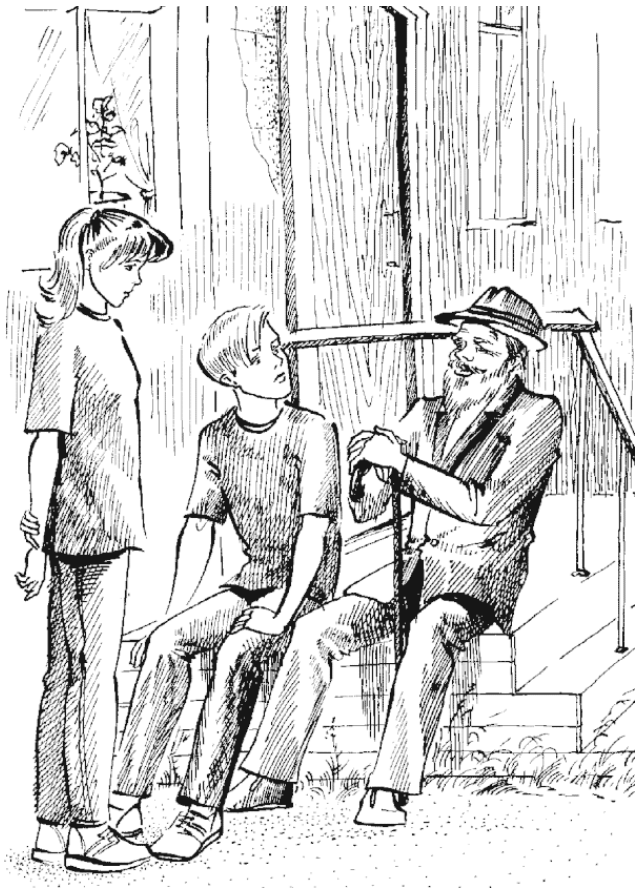
В школе оказалось, что меня будут учить медленно и долго, целых десять лет, тому, что я и сам умел. Я был о себе тогда высокого мнения и потому в первый же день сбежал с уроков и решил больше никогда-никогда не ходить в школу, а вместо этого отправиться путешествовать.»

Старичок помолчал. Видно было, что рассказывать ему трудно, и он сейчас весь ушел в события тех далеких дней.

– Вы действительно стали путешествовать? – подала голос Анька.

Кирилл посмотрел на нее выразительно: «Не перебивай». Но старичок как бы не слышал ее вопроса и продолжал:

«С портфелем в руках я добрел до старого парка, сел на скамейку и стал размышлять, как мне, мальчику, осуществить свое желание.



Увлекшись мыслями, я не заметил, как рядом со мной присела старушка. Она выглядела очень аккуратно, с маленьким пенсне на носу, а в руках держала портфельчик, подобно тем, которые носят с собой старые учительницы».

– Кошкалда, – не в силах сдержать себя, шепотом сказала Анька. Кирилл, как бы не услышав ее замечания, во все глаза смотрел на старика и, казалось, внимал каждому его слову.

– Ты почему сбежал с уроков, мальчик? – обратилась она ко мне.

– А откуда вы знаете? – удивился я.

– Я все знаю, – хитро улыбнулась старушка и погрозила мне пальчиком.

Мы помолчали.

– Ты, наверное, очень хочешь стать взрослым? – задала она неожиданный вопрос.

– А откуда вы знаете? – опять вырвалось у меня, но так как на этот вопрос мне уже один раз ответили, я сказал прямо:

– Да, очень хочу.

– Я тебе помогу, – задумчиво произнесла незнакомка, – только ты мне должен дать слово, что не будешь во зло использовать этот дар – быть взрослым человеком. А готов ли ты к тому, чтобы оставить позади детство? – вдруг засомневалась она.

– Да, готов, готов! – закричал я. – Пожалуйста, помогите мне стать взрослым.

– Ну ладно, – согласилась старушка и достала из портфельчика коробочку. – Вот эту, – прибавил старичок, указывая на зажатую в Аньких руках коробку.

– А что было потом? – не выдержала Анька, – когда вы стали взрослым?

Старичок вздохнул.

«Видите ли, детки, я повел себя очень нехорошо. Прежде всего, я сразу вспомнил все обиды, которые мне нанесли, и отправился мстить обидчикам. Я поколотил всех мальчишек, которые когда-то имели несчастье обозвать меня, стукнуть или даже нечаянно наступить мне на ногу. Мне это было легко сделать, потому что я теперь был старше и гораздо сильнее каждого из них.

Потом я еще раз съел прибавляющую годы конфетку, стал еще старше и отправился путешествовать. Мне ни разу не пришло в голову, что мать и отец, конечно, будут беспокоиться о том, куда я исчез, и думать, что со мной случилось самое плохое.

Пока я путешествовал, я знакомился с разными людьми, овладевал профессиями, которые казались мне интересными, все время глотая только увеличивающие возраст конфетки.

Но с течением времени мне все больше и больше казалось, что я что-то потерял, упустил в жизни. Знакомства и общение с другими людьми не приносили мне ни тепла, ни удовлетворения. Сначала я думал, что все дело в возрасте, и понемногу все прибавлял и прибавлял его себе.

Но вдруг наступил момент, когда я понял: дело вовсе не в возрасте, а во мне самом. Я просто не умел любить, любить всех людей вместе и каждого в отдельности. Я любил только себя, но при этом не был нужен никому.

Тогда я вспомнил про отца и мать и возвратился в свой город. Мне так захотелось тепла и ласки, которые когда-то казались навязчивыми и ненужными. Я проглотил много уменьшающих конфеток, поднялся по лестнице такого знакомого и родного дома и позвонил в дверь. Мне открыла незнакомая девочка.

– Вам кого? – спросила она.

Я назвал своих отца и мать.

– А такие здесь давно уже не живут.

– А куда они делись? Переехали? Скажите адрес, я их найду! – воскликнул я.

– Нет, – ответила она, печально глядя на меня, – их просто уже нет. Не плачьте, дедушка, – прибавила она.

„Дедушка?“ Я бросился вниз по лестнице, выбежал на улицу и посмотрел в первую же попавшуюся витрину магазина. Действительно, на меня смотрел такой вот дед, которого вы видите сейчас.

Я с трудом доплелся до того парка, где состоялась памятная встреча, и упал на скамью. Достал коробочку и глотал одну за другой уменьшающие конфетки, но толку от этого не было – все было по-прежнему, я оставался старичком, сидящим в парке на лавке и глотающим леденцы.

– Дай-ка их сюда, – услышал я ласковый голос. Да, это была она, та волшебная старушка. Не давая мне ничего сказать, она добавила: – К сожалению, волшебство конфеток на тебя больше не действует, потому что ты отверг собственное детство.

Она печально улыбнулась, открыла свой портфельчик, положила туда коробочку, защелкнула замочек и исчезла».

– А я, – завершил рассказ старичок, – я остался таким, каким видите.

Он встал, подошел к одной из дверей, достал свой ключик и вложил в замок.

Раздался щелчок, потом звук, напоминающий чириканье воробья; из полуотворенной двери пахнуло ландышами; старичок вошел внутрь, захлопнул дверь, и все исчезло.

– Да-а-а… – протянул Кирилл.

– Кир, давай дадим друг другу слово, что больше никогда не будем пользоваться этими конфетами, – предложила испуганная Анька.

– Ну, насчет никогда, – Кирилл помолчал, – не знаю, а вот осторожность с ними, ясно, надо соблюдать.

– Нет, я лучше никогда-никогда, чем такое… – Анька никак не могла прийти в себя.

– Ну уж нет, пользоваться конфетами необходимо хотя бы для того, чтобы как следует подготовиться к взрослой жизни. Но только нельзя приносить людям зло, да и становиться взрослым на долгий срок тоже ни к чему. Так можно и собственное детство проворонить.

Глава 2. О друзьях-подругах

Как быть своим в любой компании

Наконец-то настал счастливый и долгожданный день – выходной, а это значит, что можно подальше забросить школьный рюкзак, забыть об уроках, смотреть целый день телевизор и валяться в тепленькой постели до обеда, как и делал Кирилл в воскресенье.

Мама в этот день, как ни странно, наконец-то позволила Кириллу выспаться вволю, не донимая его настойчивыми просьбами сходить в магазин за хлебом, кефиром «Chappi» для Ганнибала и прочими продуктами.

Все семейство, кроме Кирилла, конечно, занялось домашними делами: мама наводила чистоту на кухне, папа возился во дворе с машиной, готовя ее к очередному рейсу, а Аня лентяйничала, бесцельно бродила по квартире, терпеливо ожидая пробуждения брата.

Когда Кирилл соизволил подняться с кровати, был уже полдень. Он сладко потянулся, зевнул и, шлепая босыми ногами, отправился в ванную.

– Наш соня-засоня проснулся, – увидя в коридоре брата, сообщила Аня маме, которая усиленно чистила пригоревшую кастрюлю.

– Давно уже пора вставать, – недовольно отозвалась мама, – завтрак почти остыл, сколько дел еще нужно сделать, а он все дрыхнет.

Девочка побежала за братом в ванную.

– Привет! Ну сколько же можно спать, ты все на свете проспишь!

– Ничего я не просплю, все успею сделать, – недовольно пробурчал Кирилл, включая кран с горячей водой, из которого послышалось какое-то глухое рычание, и на руки Кирилла упало несколько горячих капелек. Кран недовольно фыркнул и замолчал. Кирилл открыл кран с холодной водой, поежился, набирая холодную воду в руки, и проворчал: «Брр, нашли время воду горячую отключать, когда на улице холод дикий, вот и умывайся теперь ледяной водой».

– А закаляться ты не пробовал? – съехидничала сестренка и, вновь возвратившись к начатому разговору, спросила: – У тебя какие-то планы на сегодня?

– Ничего я тебе не скажу пока, – с полным ртом мятной пасты пробубнил Кирилл.

– Ну и не говори, подумаешь, тайна, – обиделась Аня на брата.

– Я же тебе не говорил, что вообще не скажу, – продолжал Кирилл. – Я сказал «пока не скажу».

– А когда ты мне скажешь? – не унималась сестра.

– Отстань, и вообще, ты мне мешаешь!

– Ах так! Ну ладно, – еле сдерживая слезы, пролепетала Аня.

Быть бы ссоре, но в это время кто-то позвонил в дверь, послышался громкий лай Ганнибала, и Аня побежала в прихожую открывать. На пороге стоял Колька.

– Привет, Кирилл дома? – поздоровался он с Аней, отгоняя от себя настойчивого Ганнибала, который, виляя хвостом, обнюхивал Колькин пакет и пытался мохнатыми лапами залезть в него.

– Дома, да он только что встал, в ванной умывается, – ответила Аня.

Колька прошел в квартиру, не забыв вытереть ноги о коврик и вежливо поприветствовать Ольгу Владимировну. Навстречу Кольке вышел Кирилл, застегивая рубашку.

– Ты чего это так рано пришел? Мы во сколько договорились? – недоуменно проговорил Кирилл.

– Я-то вовремя пришел, это ты долго спишь, – ответил другу Колька.

Друзья прошли в комнату, закрыли за собой дверь и громко включили магнитофон.

– Кирилл, ты не забыл, что сегодня я тебя жду к пяти часам?

– Ой, чуть не забыл, поздравляю, Колян, тебя с днем варенья! – радостно закричал Кирилл и полез за чем-то в ящик стола.

– Он чуть не забыл! Вот это да! Друг называется, – без всякой обиды весело ответил Колька. – Спасибо за поздравление, только не торопи события.

Кирилл сразу же прекратил рыться в ящике, в котором у него творилось что-то невероятное: кассеты, значки, шурупы и еще много всякого хлама, от которого нужно было давно избавиться, только почему-то все не было времени навести там порядок.

– Ну ладно, Колян, не буду торопить события, – обрадовался Кирилл, поиски которого не увенчались успехом. Зная страстное увлечение друга компьютерными играми, он купил специально ко дню рождения Кольки в торговом центре «Интернет» дискету с суперигрой, с необыкновенными эффектами и векторной графикой, но найти ее среди этого «добра» было нелегко.

– Да, Кирилл, – помедлив, сказал Колька, – я еще пригласил трех друзей, моих одноклассников, с которыми в бывшей школе учился.

Колька перешел в школу, где учился Кирилл, в четвертом классе.

– Что-то ты мне о своих друзьях-одноклассниках никогда не рассказывал?

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Просто возможности не было, вот и не говорил, а теперь не только расскажу, но и познакомлю тебя с ними.

Заметив недоумение Кирилла, гость для ясности добавил:

– Они свои парни, найдешь общий язык. Ну как, договорились? Я тебя жду к пяти часам, только не опаздывай, – предупредил Колька друга, зная о его дурной привычке приходить позже назначенного времени.

– Ладно, я постараюсь прийти минута в минуту, – ответил Кирилл.

Друзья переключились на увлеченное обсуждение новой компьютерной игры, которую Кольке подарил отец.

Пока они разговаривали в закрытой комнате, Аню распирало любопытство. Прильнув ухом к двери, она пыталась подслушать их разговор.

Но в это время дверь резко открылась, чуть не сбив Аню с ног, которая вовремя успела отскочить к стене и ухватиться за дверной косяк.

– Шпионишь, значит, подслушиваешь, да? – зло прошипел Кирилл испуганной сестре.

– Ничего я не подслушиваю, – пытаясь защититься, сказала девчонка. – Просто иду в кухню, что, и пройти мимо твоей комнаты нельзя?

Кирилл побежал в кухню и вернулся, неся в одной руке горячий чай, а в другой – несколько бутербродов с сыром и колбасой. Разместив все на письменном столе, Кирилл вновь закрыл дверь и еще громче включил музыку, чтобы не дать осуществиться шпионским намерениям младшей сестры.

Ане ничего не оставалась, как удалиться восвояси, точнее, в зал, и смотреть телевизор. Но даже любимый детективный сериал не мог ее увлечь, ибо все мысли были заняты заговорщиками.

Сидя в мягком кресле, Аня размышляла: «Интересно, о чем они шепчутся? Наверняка что-то задумали».

Кирилл с Колькой совещались в комнате довольно долго. Любопытная сестренка, занятая раздумьями по поводу их таинственной встречи, пропустила очередную серию любимого детективного сериала. Она не могла найти себе места в буквальном смысле этого слова: хваталась то за книжку, то за пылесос, чтобы помочь маме.

Примерно через час Аня услышала шаги в прихожей, голоса друзей и хлопнувшую входную дверь.

– Неужели ушли? – подумала девочка и побежала в комнату Кирилла. Брат сидел на тахте и о чем-то озабоченно думал. Увидев сестру, он принял обычное выражение лица и встал.

– Слушай, Анька, помнишь, в ванной, когда я умывался, я тебе говорил, что расскажу о своих планах?

– Нет, не помню, – притворилась хитрая сестренка.

– Как не помнишь? Ну ты еще на меня обиделась, что я не хотел тебе говорить сразу, а сказал – пока не расскажу, – удивился Кирилл.

– А, ты об этом? Ну что-то припоминаю.

– Так вот, Колька сегодня вечером пригласил меня на день рождения. Кроме меня, он пригласил еще своих друзей, с которыми учился в старой школе. Говорит, что они классные пацаны.

«Стоило из-за этого шпионить и изводить себя догадками, да еще и любимый сериал пропускать», – разочарованно подумала она.

– Это и есть твоя тайна? Зачем нужно было от меня дверь закрывать и шептаться?

– Я тебе и не говорил ни о какой тайне, сама выдумала, мы говорили о планах на сегодняшний день, вот я тебе и сказал.

– А я пойду к Кольке на день рождения?

– С какой это стати? Он же тебя не приглашал. Чего тебе там делать в мужском коллективе? Не доросла еще!

– Ну и не надо, – со слезами в голосе проговорила Аня и убежала, хлопнув дверью.

«И чего она обиделась? – удивлялся Кирилл. – Ну, женщины вечно на все обижаются. Копия мамы».

Но обстоятельства складывались никак не в пользу Кирилла…

– Кирилл, Аня, – донесся голос мамы из прихожей. – Мы с папой навестим тетю Веру.

Мама стояла перед зеркалом и надевала плащ, папа начищал ботинки.

– А по какому поводу? – поинтересовался Кирилл.

– У нее сегодня день рождения, – ответил папа.

– А я сегодня тоже на день рождения к Кольке иду, к пяти часам, – поделился с родителями Кирилл.

– Смотри не наделай глупостей и вовремя будь дома, – строгим голосом сказал отец, открывая входную дверь.

– Вернемся к вечеру, обед на плите, ужин в холодильнике, разогреете, – напутствовала детей заботливая мама.

На этом проводы родителей в гости закончились, и, как только за ними закрылась дверь, Кирилл заорал на всю квартиру так, что Ганнибал, сладко спящий в кресле, резко вскочил и, не поняв в чем дело, залился громким лаем.

– Ура, свобода попугаям! – ликовал Кирилл и, взяв Аню за руки, стал кружить по комнате.

– У меня голова кружится, – взмолилась Аня, – ну, Кирька, отстань, и вообще… Аня резко выдернула руки и пошла в зал.

– Анька, ты что, обиделась? – закричал он вслед уходящей сестре. – Глупости какие-то, и кто тебе вообще сказал, что ты должна всегда и везде со мной ходить, – не унимаясь, орал Кирилл в пустоту прихожей.

Слыша, как весело напевает Кирилл в своей комнате, Аня с тоской думала о том, что весь вечер ей придется пробыть одной у ящика, как называли они с братом телевизор. Лучшая ее подружка Наташка уехала к бабушке; к Светке из второго подъезда приехали гости.

«Надо бы что-нибудь такое придумать, чтобы Кирилл взял меня с собой, но что?» – мысленно повторяла про себя Аня, и пока Кирилл, напевая, проводил ревизию в своем шкафу, в ее умненькой головке созрел коварный план, которому суждено было вскоре осуществиться.

Через несколько минут Кирилл при полном параде – в новой рубашке и джинсах – зашел в зал, где Аня с видом примерной ученицы сидела за столом и старательно делала уроки.

– Ну, как прикид? – поинтересовался он мнением сестренки.

– Нормально, – без всякого восхищения ответила Аня, окинув брата с ног до головы безразличным взглядом.

– Нормально, – передразнил ее Кирилл, – чего бы понимала, – не унимался он.

– Ну ладно, я пошел к Кольке, а то еще опоздаю, – вдруг вспомнил он просьбу друга прийти вовремя и посмотрел на табло электронных часов, которые показывали четверть пятого.

Как только за Кириллом захлопнулась дверь, Аня заметалась по комнате, быстро собирая разложенные на столе учебники, и подлетела к шкафу, чтобы выбрать праздничный наряд.

А в это время Кирилл трезвонил в дверь ожидавшего его друга. Дверь распахнулась, являя именинника с удивленными глазами.

– Ты ли это? Ну надо же, не опоздал, пришел на целых 10 минут раньше! А прикид какой! – не переставал удивляться Колька. – Глядя на тебя, можно подумать, что в мое скромное жилище забежит английская королева.

– Да это я так, – оправдывался Кирилл, в глубине души ликовавший, что друг заметил его обновки. – Еще раз поздравляю с днем рожденья, желаю исполнения всех желаний и счастья в личной жизни, – весело проговорил Кирилл и пожал Кольке руку.

– Ну ты совсем, как сова из «Винни-Пуха», – старушечьим голосом передразнил именинник друга, – желаю счастья в личной жизни.

– А это мой подарок тебе, – Кирилл протянул Кольке запечатанную дискету.

– Вот это да! Та самая игра! – радостно вопил Колька. – Ну спасибо, Кирюха, век тебя не забуду!

В Колькиной комнате Кирилл увидел празднично накрытый стол, возле которого суетилась Колькина бабушка, расставляя тарелки. На диване сидели его друзья-одноклассники, о которых он так много говорил.

– Это мой дружан Кирилл, – представил он компании пришедшего, – а это неформал Серж, он кем только ни был: панком, хиппи, реппером, – а сейчас разрабатывает свою новую тусовку, – показал Колька на странноватого парня с замысловатой прической на голове. – Витек-Шварценеггер, – продолжал знакомить Колька, показывая на сидящего у окна крепыша внушительного вида с короткой стрижкой, – чемпион по бодибилдингу, кстати, занял второе место в том году в конкурсе качков.

– Да ладно тебе, Колян, – засмущался Витек.

– А это Санек, он песни на гитаре играет, сочиняет и поет не хуже Цоя, правда, Санек? – не унимался виновник торжества. Санек отличался от двоих друзей серьезным видом.

Кирилл пожал всем новым знакомым руки и сел на свободное кресло.

– Бабуля, хватит суетиться и оставь нас одних, я, в конце концов, именинник и имею сегодня право голоса, – обратился Колька к бабушке, которая раскладывала на столе салфетки.

– Ухожу, внучек, ухожу, – отозвалась бабушка и, шаркая тапочками, вышла из комнаты.

– А предки твои где? – поинтересовался басистый Витек.

– Маманя с отчимом пошли запасаться провизией и обещали вернуться нескоро; давайте садитесь за стол, – пригласил Колька. – Предки в честь рождения сына даже шампанского не поставили, все думают, что мы дети, – накладывая себе салат, сообщил Колька друзьям.

– А этого тебе мало?

Витек достал из-под стола бутылку красного вина и торжественно поставил ее на стол, подмигнув всем сидящим. Сорвав одним движением пробку с бутылки, Витек стал разливать «смертоносный» напиток в фужеры.

– Как бы бабуся не заметила, мало ли что… У нее нюх, как у Кирюхиного Ганнибала, – засомневался Колька.

– А кто такой Ганнибал? – поинтересовался Серж.

– Это пудель, – ответил за Кирилла Колька.

– За тебя! – подняв фужер и громко чокнувшись с именинником, кратко и ясно сказал Витек.

Все дружно выпили и принялись за еду. На какое-то мгновенье в комнате воцарилась тишина, которая изредка нарушалась стуком вилок и неприличным чавканьем. Первым нарушил тишину Серж.

– Между первой и второй… – начал он, – промежуток небольшой, – дружно подхватили все, и снова послышался звон фужеров.

Молча наблюдавший за всем Кирилл, как ни странно, чувствовал себя очень скованно в компании старых Колькиных друзей и никак не мог включиться в общий разговор. Захмелевшие друзья вспоминали о приколах в старой школе, учителях, одноклассниках, смеялись, держась за животы, не обращая на Кирилла никакого внимания, который чувствовал себя не в своей тарелке.

– А как насчет курнуть? – предложил Серж, направившись к балконной двери.

– Все за, – подхватил Колька, и, наконец-то обратив внимание на молчащего друга, спросил: «Пельмень, чего-то я тебя не узнаю, ты что, как в воду опущенный, курить идешь?»

– Да нет, я не хочу, голова чего-то побаливает, – заметно покраснев, отказался от предложения Кирилл.

– Ну смотри, – отстал Колька и вышел на балкон, где громко смеялись его бывшие одноклассники, прикуривая от одной зажигалки.

«И зачем я только пошел? Ты с ними подружишься, – мысленно передразнивал Кирилл Колькины слова.

– Какой уж там подружишься. – тоскливо думал он, одиноко сидящий за столом, злясь на Кольку и на себя.

– У них свои разговоры. А Колька – тоже друг называется – променял меня на этих своих приятелей и разглагольствует с ними».

Из балконной двери высунулась Колькина голова. – Кирюха, иди сюда, там Витек такой прикол рассказывает, – весело позвал он Кирилла, но увидев опечаленное лицо друга, вышел и присел рядом с ним.

– Ты чего на моих именинах скучаешь, как царевна Несмеяна, тебе дружаны мои не понравились?

– Да нет, я не скучаю… Я же тебе сказал, что у меня голова болит.

– У меня такое ощущение, что тебе не нравится моя компания, ты как-то странно себя ведешь и даже участия не принимаешь в нашем разговоре. Пойдем, песни под гитару споем, Санек знаешь как здорово играет, – весело предложил Колян.

– Да нет, я посижу немного, может голова пройдет, – отказался от предложения Кирилл. – Я потом к вам присоединюсь, ладно?

– Ну, как знаешь… – обиженно произнес Колька и вышел на балкон, где его гости пели песню Цоя про пачку сигарет и самолет.

Кириллу стало еще тоскливей, он вышел из комнаты и незамеченный никем проскользнул на лестничную площадку. Спустившись этажом ниже, он прислонился разгоряченным лбом к холодному стеклу подъездного окна и уставился в темноту.

Услышав шаги, Кирилл обернулся и увидел поднимающуюся вверх по лестнице Аню.

– Ты что тут делаешь? – удивленно, безо всякой злости, а даже наоборот, с радостью обратился он к запыхавшейся сестре, которая, как ему показалось, выглядела необычно: красное платье, которое она надевала только по великим праздникам, на голове какое-то подобие прически, губы подкрашены маминой красной помадой.

– Представляешь, Кирилл, – начала быстро объяснять сестра, я на кухне чай пила и вдруг из окна увидала, что наш Ганнибал треплет кошку Изольды Тихоновны, как тряпку. Знаешь, какой бы был скандал, если б хозяйка увидела, как наш монстр рвет кошку на сотню маленьких шкурок! Вот я и выбежала во двор их разнимать, а дверь нечаянно захлопнулась, а ключи остались в квартире, а на улице, сам знаешь, холодно, не в подъезде же мне родителей дожидаться? Вторые ключи у тебя, вот я и пришла, – закончила сестра и посмотрела на Кирилла.

– Что-то я не видел дома, чтобы ты при мне в таком виде чай пила, с накрашенными губами, – пытался поймать Кирилл лукавую обманщицу.

– У нас в классе скоро намечается день родителей, ну помнишь, наша класснуха его проводит в конце каждой четверти, мы еще всякие сценки ставим. Я хотела порепетировать роль, ну, как говорят, войти в образ, вот и оделась так, – оправдывалась Аня, оглядывая себя со всех сторон.

– Ну ладно, верю, верю, – снисходительно ответил Кирилл, который был озабочен совсем другой проблемой. – Знаешь, Анька, я так радовался, когда Колька пригласил меня на день рождения, а теперь мне даже не хочется туда возвращаться, и его друзья мне почему-то не нравятся, в их компании я чувствую себя полным идиотом: молчу, как дурак, а они прикалываются между собой. Как мне быть, не знаю. Я для них чужой, – поделился он с сестрой своим настроением.

– Поэтому ты здесь? – сочувственно спросила Аня, трогая брата за плечо.

Кирилл молча кивнул.

– Может, это тебя утешит, – протянув одну заветную конфетку Кириллу, Аня развернула блестящую обертку и положила такую же конфету себе в рот…

Брат с сестрой вновь испытали это необыкновенное чувство перевоплощения, знакомое ощущение полета. Будто руками невидимого скульптора лепилось на глазах живое человеческое тело, увеличивающееся в размерах.

Через несколько минут на месте Кирилла и Ани стояли сформировавшиеся взрослые люди – молодой мужчина и женщина. Кирилл на сей раз выглядел этаким суперсовременным парнем, а Анна – ему под стать, модно одетой современной девушкой с красивой прической и миниатюрной сумочкой, перекинутой через плечо.

– Знаешь, Анька, первым нарушил тишину Кирилл, у меня такое странное ощущение, что я не видел Кольку уже несколько лет. Сейчас мне кажется, что в той ситуации, на дне рождения у Кольки, я вел себя неправильно, обидевшись на него и его друзей, с которыми сам не мог найти общий язык.

– И что ты чувствуешь теперь? – спросила Аня у брата.

– Понимаешь, мне кажется, я просто неверно оценил обстановку и искал вину в других, пытаясь оправдать собственную слабость.

– А почему ты тогда не мог найти с Колькиными друзьями общий язык?

– Не знаю… – ответил Кирилл, глядя на сестру.

– Ведь раньше у Кольки в старой школе были свои друзья, у тебя – свои. С чего началась ваша дружба с Колькой, когда он первый раз пришел в класс? – спросила Аня у брата.

Кирилл попытался вспомнить.

– Как с чего?! Колька рассказал мне, что обожает приколы Бивиса и Баттхеда и может всю ночь, не ложась спать, играть в компьютерные игры. Я тоже обожал компьютерные игры и канал MTV с приколами героев Майкла Джаджа – Бивиса и Баттхеда. Потом Колька пригласил меня к себе домой и показал одну суперную игру, а потом… – не мог остановиться Кирилл, но Аня его перебила.

– Вот видишь, ваша дружба с Колькой началась с общих интересов, тебе нравилось то же, что и ему.

– Ты хочешь сказать, что дружеские отношения завязываются на основе общих интересов? – спросил Кирилл сестру.

– Совершенно верно, но кроме этого, есть и кое-что другое.

Аня достала из сумочки записную книжечку в потертой красной обложке и протянула ее брату.

– Что это такое?

– В эту книжечку я записывала разные мудрые мысли, выбирала из книг, запомнившихся разговоров, вот они как раз и пригодятся тебе.

– Что-то я никогда у тебя такой книжечки не видел?

– Потому что я хранила в надежном месте, – открыв нужную страницу, Аня протянула книжечку Кириллу.

На первом листочке Аниным детским почерком было написано: «Что нужно сделать для того, чтобы приобрести друзей и надолго сохранить дружеские отношения».

И дальше под пунктами шло следующее:

1. Проявляй искренний интерес к человеку, интересуйся его жизнью и делами, только делать это нужно ненавязчиво.

2. Дружеские отношения, как правило, завязываются на основе общих интересов. Говори с человеком о том, что ему интересно.

3. «Дружба начинается с улыбки». Улыбаясь, мы посылаем окружающим нас людям положительные и радостные импульсы, располагая тем самым их к себе.

4. Называй человека по имени. В древности считали, что имя человека является самым сладостным звуком.

5. Чтобы утвердиться в качестве хорошего собеседника, старайся быть хорошим слушателем.

6. Внушай человеку сознание его значительности и необходимости.

– Мне кажется, я знаю, что должен сделать, – внезапно произнес Кирилл и добавил: – Я оставлю твои «мудрые мысли» себе, ладно?

– Ну если они тебе помогут, то, конечно, оставь, – согласилась Аня, доставая из сумочки зеленые конфеты и протягивая одну брату…

Не прошло и нескольких минут, как Кирилл с Аней вновь стали детьми.

– Ладно, пойдем к Кольке, а то все подумают, что я просто слинял, – предложил Кирилл и, перескакивая через две ступеньки, помчался вверх по лестнице.

– Подожди меня, – не успевая за братом, жалобно тянула Аня.

Кирилл позвонил в дверь, и послышались шаркающие шаги Колькиной бабушки.

– Иду, иду, – услышали брат с сестрой ее голос.

Дверь открылась, и Колькина бабушка, увидев на пороге Кирилла с Аней, громко запричитала: «Кирюша, ты за сестренкой ходил, вот молодец! Коленька!» – позвала она Кольку.

– Не надо, не зовите его, мы сейчас пройдем в комнату, – сказал Кирилл и потянул Аню.

Из-за балконной двери слышались оживленные разговоры и громкий смех.

– Кажется, моего отсутствия никто не заметил, – обрадованно сказал Кирилл. – Это даже к лучшему.

Он постучал в балконную дверь.

– Привет! Я, кажется, в норме, голова прошла, так что наравне со всеми могу продолжать праздник, – к удивлению Кольки и всех остальных произнес «выздоровевший». – А для начала расскажу вам свеженький анекдот про Вовочку…

– А мы думали ты совсем закис, сидя в комнате, – пробасил Витек и протянул Кириллу сигарету.

После анекдота, рассказанного Кириллом, грянул дружный смех.

– А вот еще анекдот, – когда умолк всеобщий хохот, – сказал Витек и стал рассказывать свою профессиональную байку про спортсменов-бодибилдингистов.

– Колян, можно тебя на пару минут? – тихо позвал Кирилл друга и только было открыл рот, чтоб сказать Кольке об Ане, как тот завопил: «Вот так сюрприз!»

– С днем рожденья! – поздравила Кольку Аня и протянула ему двух маленьких человечков в прозрачной коробочке.

– Кирюха! Смотри, что мне подарила твоя сестра, – не скрывая радости и рассматривая сюрприз, заорал Колька. – Да это же мои кумиры-приколисты – Бивис и Баттхед! Где ты их взяла?

– Так, случайно нашла в одном супермаркете и подумала, что тебе бы хотелось их иметь, – заскромничиала Аня, краснея все больше и больше.

– Ну, спрашиваешь! Конечно, мне хотелось бы их иметь, – не переставал радоваться Колька, распечатывая пакетик и разглядывая своих любимцев. – Пойду, дружанам покажу, – объявил он и побежал на балкон.

– Ах вот, значит, как? Кошку Изольды Тихоновны спасала? Да? А сама умышленно хотела к Кольке на день рожденья попасть, подарочек приготовила, губы накрасила? – возмущался Кирилл, оставшись с сестрой наедине.

– Зато если бы я не пришла, ты бы так и не решил свои проблемы, – гордо ответила Анька.

– Ну ладно, – сжалился брат.

Вся ватага Колькиных друзей ввалилась со смехом в комнату, где сидели Анька с Кириллом.

– Вот это и есть та самая Анька, которая подарила мне придурков – Бивиса и Баттхеда, – представил хозяин дома своим друзьям-одноклассникам Аню, лицо которой напоминало цвет свежего помидора.

– Классный подарок, – одобрил экстравагантный Серж и подмигнул девчонке.

Все уселись за стол. Праздник еще продолжался, когда сидевшая рядом с Кириллом Анька зашептала брату на ухо: «Я домой пойду, мне просто не терпелось подарить подарок, вот я и пришла».

– Ну куда ты пойдешь, неудобно, – шепотом ответил он сестре.

– Больше двух – говорят вслух, – засек перешептывающихся именинник.

– Давайте есть торт, – предложил Санек.

– Мальчики, я пойду, – резко встала Анька, – сейчас родители придут, а меня дома нет.

– Никуда ты не пойдешь, – ответил Колька, – пока не поешь творение моей бабули.

Он отрезал большой кусок торта с красными розочками, положил на тарелку и подвинул ее Ане.

– Ну хорошо, торт попробую, – согласилась Аня и принялась за торт, осторожно снимая ложечкой красивые розочки.

После чаепития Кирилл обратился к сидящему рядом с ним Саньку: «Ты так классно песни поешь под гитару! Колян говорил, что ты и сам сочиняешь, может, споешь нам что-нибудь из своих сочинений?»

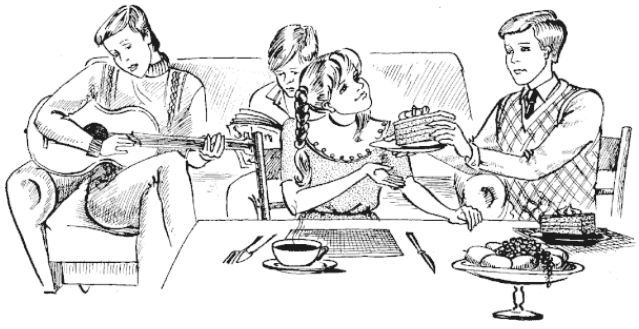
– Спою, конечно, – согласился Санек и взял гитару. – Только вы мне помогайте: как припев буду петь, подпевайте, ладно?

Мелодия чем-то напоминала Кириллу знакомую песню Виктора Цоя, но все равно было здорово петь вместе со всеми не вполне понятные слова. Кирилл уже не ощущал прежнего одиночества, ему становилось весело.

– Хорошо поем! – одобрительно сказал Колька.

– А помните, на уроке пения во втором классе? – начал Витек. – Санька все время из хора выгоняли за то, что он сипит.

– А у нас такой случай был в школе, – в свою очередь вспомнил Кирилл. – Мы с Колькой выучили несколько фраз на японском языке, рекламу про колготки, которую по кабельному телевидению крутят. И вот на уроке нашей Кошкалды, когда она Кольку вызвала, он давай шпарить ей по-японски эту рекламу. Вот прикол был!



Грянул всеобщий смех.

Колькины друзья стали вспоминать одну за другой смешные истории, Кирилл тоже принимал активное участие в разговоре. После каждого рассказа слышались такие взрывы смеха, что Колькина бабушка прибегала несколько раз узнавать, не случилось ли чего-нибудь.

– Пойдемте-ка еще покурим, – предложил Кирилл, и все направились на балкон.

– Витек, ты давно занимаешься бодибилдингом? – спросил Кирилл стоявшего рядом с ним Витька-Шварценеггера.

– Да не-а, – протянул Витек, – года три.

– Колька что-то говорил про конкурс качков, где он проходил. И как ты на него попал? – продолжил разговор Кирилл. Витек сначала скупо, а потом все с большим увлечением стал рассказывать Кириллу о своих достижениях в этом виде спорта.

– Пойдемте танцевать, я у Коляна музыку классную нашел, – прервал разговор Серж.

– Пойдем! – дружно подхватили все.

Витек включил на полную мощь музыкальный центр, подаренный Кольке отцом, и все стали выплясывать под западные мотивы.

Неформал Серж оказался почти профессиональным танцором, сочетая элементы рэпа и когда-то модного брейка, покоряя своей пластикой и движениями.

– Серж, у тебя здорово получается! – Кирилл искренне восхищался парнем, вначале показавшимся ему чудным.

– Хочешь научу? – подхватил Серж. – Главное – чувствовать свое тело, и все получится.

Серж стал показывать Кириллу танцевальные движения. Сначала у новичка ничего не получалось, руки и ноги были скованными, тело не слушалось. Вскоре к Сержу с Кириллом присоединился крепыш Витек, Колька и Санек, и все вместе стали копировать неумелые движения Кирилла. Сидевшая за столом и наблюдавшая за ребятами Анька так хохотала, что чуть не подавилась тортом.

– Ну все, хватит, я уже выдохся, – пробасил Витек, усевшись в кресло. – Это похлеще, чем штангу катать.

– Чуть не забыл! – вспомнив вдруг о чем-то, громко заорал Колька. – Мне же Кирюха такую крутую дискету с суперной игрой подарил, давайте поиграем?

– Давай сыграем, – ответил за всех Серж.

Колька вставил подаренную Кириллом дискету в дисковод, и монитор компьютера замигал, вскоре выдав название игры: «RED ZONE».

– Играем парами, мы с Кириллом, – объявил друзьям Колька.

– Я с Саньком, – отозвался Серж.

– А я буду наблюдателем, – устроившись на диване с журналом, сказал рассудительный Витек.

Пока мальчишки, согласно правилам этой игры – «найти и уничтожить» – гонялись за маньяком-террористом Роккo-монстром с планеты Каристан, уничтожая посланные им ядерные ракеты, Анька доела торт и с интересом стала наблюдать за происходящими на мониторе действиями.

Когда противник был уничтожен и прозвучал торжественный гимн во славу победителей, Колька объявил всем: «Прошу к столу! Будем продолжать день рождения!»

– Колян, времени уже много, а нам еще добираться до дома надо, да и предки твои скоро придут, – посмотрев на часы, сказал Витек, между тем пробираясь на свое место за стол.

– Давайте еще по одной, – предложил Колька и, не дождавшись ответа, стал разливать остатки вина по фужерам.

– Кирилл, теперь твоя очередь произносить тост, – пробасил Витек, вопросительно глядя на Кирилла.

– Ну что тебе сказать, Колян? – начал «речь» Кирилл. – Поздравляю еще раз и желаю хороших и верных друзей.

– Таких, как мы и как Кирилл, – подхватил Санек.

– Ну все, нам пора, – объявил Витек, направляясь в прихожую, – не обижайся, Колян, еще увидимся. И добавил: – Пока, Кирюха. А ты свой парень, ничего.

– Пойдем, проводим? – предложил Колька Кириллу, выходя за Витьком в прихожую.

– Теперь, Колян, ждем вас с Кириллом к себе в гости. Кстати, ты не забыл, что 23-го у меня день рождения? Приходите, будем ждать, – сказал Санек, застегивая молнию на куртке.

– Пока, – отозвался Серж, выходя на лестничную площадку. – Рад был с тобой познакомиться, Кирилл.

Когда дверь за Колькиными друзьями закрылась, Колька сказал Кириллу:

– Я же говорил, ты с ними подружишься, вот так оно и получилось.

– Да, – согласился Кирилл. – Мне тоже пора домой, родители, наверное, вернулись, а нас с Анькой дома нет. – Анька, – позвал Кирилл сестру, которая играла на компьютере в свой любимый «TETRIS».

– Иду, – нехотя отозвалась девочка и вышла в прихожую.

– Поздравляю еще раз, Колян. До завтра, – открывая дверь, попрощался Кирилл и пожал другу руку.

– Пока, Колька, скажи спасибо бабушке за вкусный торт, – застегивая пальто, вспомнила Аня.

– Замерзла? – спросил Кирилл, видя, как сестра прячет руки в карманы. – На, надень, обманщица, а то совсем закоченеешь, – снимая с себя куртку, предложил брат. – Знаешь, Анька, я поменял свое мнение о Колькиных друзьях, и если честно, то они мне очень понравились. Свои парни, – весело заключил Кирилл.

– И ты для них тоже стал своим, – ответила Анька и улыбнулась…

Друзья противоположного пола – это реально?

…Кирилл грустно смотрел в окно, на падающий большими хлопьями снег, думая о том, что завтра в школу он пойдет без Кольки. Дружан заболел ангиной и лежал дома с высокой температурой, с обвязанным шарфом горлом, глотал таблетки и пил чай с малиной.

– Минимум – две недели, а может, и больше проболеет, – сказала Колькина бабушка, когда Кирилл зашел за Колькой утром в школу.

«Это я виноват в Колькиной болезни», – тоскливо думал Кирилл, вспоминая недавний спор с другом на пять штук эскимо. Колька выиграл этот спор, и вот результат – ангина. «Две недели – это, конечно, много, может, и мне заболеть за компанию? Или Колька выздоровеет раньше?»– обнадеживал он себя.

Но зайдя вечером к другу, Кирилл приуныл еще больше. Колькина болезнь была в самом разгаре. У него не только держалась высокая температура, но и голос пропал. Он лежал под толстым ватным одеялом, а из-под мышки торчал градусник.

– Может, тебе водки с перцем выпить или жабу с горлу приложить? Это, кстати, народный способ, проверенный веками, я читал где-то, – давал дельные советы Кирилл, сидя на стуле рядом с кроватью, на которой с безучастным видом лежал Колька.

– Где ты жабу найдешь в декабре? – шепотом спросил он.

– В зоомагазине. Для лучшего друга найду, – уверенно пообещал Кирилл.

– Что ты, Кирилл, ерунду какую-то говоришь про жаб? – спросила, входя в комнату, Колькина бабушка, подозрительно глядя на посетителя больного.

– Да так, ничего, – помедлив, ответил Кирилл. – Просто я вычитал в одной книжке народный способ лечения ангины жабой. Нужно привязать жабу к горлу больного, и все пройдет.

– Никаких жаб Коленьке не надо, я его лечу другими народными способами, своими – малиной и медом, – сказала бабушка, заботливо поправляя одеяло.

– Ну ладно, Колян, выздоравливай, пойду алгебру зубрить и английский. Кошкалда столько переводов задала, еще спросит. Я к тебе завтра зайду, – попрощался Кирилл с Колькой.

На следующий день в школе Кирилл увидел за своей партой сидящую на месте Кольки девочку с забавным хвостиком волос пшеничного цвета и огромными голубыми глазами.

Помедлив, Кирилл подошел к своей парте.

– Я Таня, – первой представилась незнакомка и, как бы оправдываясь за самовольно занятое место, добавила, – здесь было свободно, вот я и села.

– Я Кирилл, – в свою очередь представился Кирилл. – Это место Кольки, но сейчас он заболел ангиной, недели на две… – смущаясь, продолжил он.

– Значит, я заняла Колькино место? – спросила Таня.

– Да я думаю, он не будет возражать, – предположил Кирилл.

Прозвенел звонок, и вошла Алевтина Сергеевна – учительница алгебры.

– Ребята, – обратилась она к классу, – у нас новенькая – Таня Силантьева.

Все обернулись и посмотрели на Таню, которая от общего внимания смутилась и заметно покраснела.

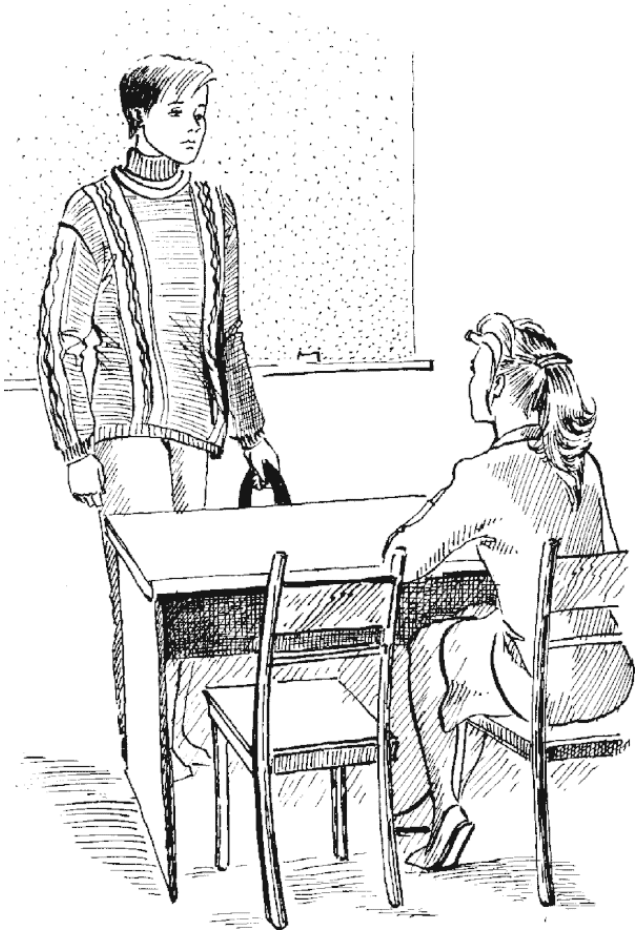
Во время урока Кирилл заметил, как новенькая старательно выводит в тетради цифры и шепчет про себя слова. И ноготь на мизинце у нее короткий. «Отгрызла, наверное», – подумал он.

На перемене Кирилл не пошел, как обычно, курить в туалет, а остался в классе.

– Кирилл, – обратилась к нему Таня, – я из Крыма приехала. У меня папа военный, его по службе в ваш город направили. У нас там снега почти не бывает. Я хотела у тебя спросить, ты умеешь кататься на лыжах?

– Умею, а что? – не смотря на Таню, ответил Кирилл.

– А ты не мог бы научить меня? – осторожно спросила девочка.



Мальчишка не знал, что ответить, поэтому только молча кивнул.

– А когда тебе будет удобно начать учение? – спросила новенькая.

– Может, в субботу? – вопросом на вопрос ответил Кирилл.

– Тогда я буду ждать тебя завтра в 10 часов у школы.

– А сегодня разве пятница?

Засмеявшись, Таня кивнула ему: «Да, сегодня пятница, ну как, договорились?»

– Ага, – ответил Кирилл и стал поспешно собирать в рюкзак учебники, пытаясь скрыть от девчонки смущение.

До конца уроков Кирилл так и не избавился от непонятного внутреннего волнения, он ни на чем не мог сосредоточиться. В голову совершенно не лезли спряжения и уравнения, все мысли были заняты новенькой одноклассницей. На его счастье, никто из учителей не вызвал его отвечать, поэтому день прошел вполне благополучно.

Возвращаясь из школы, он первым делом зашел к Кольке.

– Колян! – возбужденно заорал он, буквально ворвавшись в комнату друга. – Ты даже не представляешь, что сегодня было!

– Не ори так громко. Если ты думаешь, что у меня с ушами проблемы, то ошибаешься, вот как раз с ними у меня все в порядке, – прохрипел Колька.

– Так вот, – второпях продолжал Кирилл, – к нам в класс пришла новенькая – Таня – она, кстати, пока на твое место села. Она меня попросила научить ее кататься на лыжах, говорит, что с юга приехала, снега никогда не видела, свидание мне назначила у школы завтра, – тараторил, как из пулемета, Кирилл.

Колька приподнялся с кровати.

– И ты пойдешь?

– Пойду, конечно, я же согласился ее учить на лыжах кататься.

– Можно подумать, что ты суперлыжник, – недовольно сказал Колька.

– Супер не супер, но в пятом классе на физкультуре, помнишь, когда у нас был лыжный марафон, я пришел к финишу первым, помнишь? – напомнил Кирилл Кольке.

– Ну давай-давай, дерзай! – сказал Колька. – Расскажешь потом о своих достижениях…

В субботу выдался отличный день – солнечный, теплый и безветренный. С утра Кирилл пребывал в возбужденном состоянии. «Почему, интересно, она именно меня попросила об этом?» – думал он.

– Чего это с тобой случилось? Ты, никак, с ума сошел? – не веря своим глазам, спросила Аня брата, увидя его завтракающего на кухне.

– Времени знаешь сколько? – сказала сестра, показывая на часы с кукушкой. – Половина девятого.

– Ну и что? – спросил Кирилл, допивая кофе.

– Ты же никогда не просыпался в такую рань, тем более в выходной, – не переставала удивляться Аня.

– А теперь проснулся, и вообще, какое тебе дело до меня? Во сколько хочу, во столько и встаю, – раздраженно ответил Кирилл надоевшей ему сестре.

Анька быстро заморгала глазами и покраснела.

– Никакого дела мне нет до тебя, я просто спросила, – быстро ответила сестренка и выбежала из кухни.

– Начинается… – злясь на любопытную сестру, вслух подумал Кирилл. – Теперь обида на всю жизнь. Не скажешь ведь ей, что у меня свидание с одноклассницей в 10 часов, а встал так рано, потому что опаздывать не хочется.

Кирилл приготовил лыжи, тщательно смазал их лыжной мастикой, надел спортивный костюм и, положив лыжи на плечо, побежал вниз по лестнице.

Под ногами поскрипывал чистый снег.

– Без пятнадцати десять, успею, – посмотрев на часы, самому себе сказал Кирилл и прибавил шаг.

Подойдя к школе, Кирилл увидел Таню, которая, облокотившись на воткнутые в сугроб голубые новенькие блестящие лыжи, смотрела по сторонам.

– Привет, – первым поздоровался Кирилл.

– Доброе утро, – ответила Таня.

– Извини за опоздание, – заметно покраснев, смущенно сказал Кирилл и про себя подумал: «Ну вот, опять, как всегда, опоздал».

– Это я рано пришла, – сглаживая неловкость Кирилла, сказала новенькая.

– Тут недалеко, через железную дорогу есть небольшой лесок, где у нас соревнования на лыжах проходили, пойдем туда? – предложил Кирилл. – Там в выходные много лыжников бывает, наверняка лыжню уже проложили, на ней будет легче учиться.

– Пойдем, – согласилась одноклассница.

Таня оказалась веселой и общительной девочкой, охотно рассказывала Кириллу о своем городе, друзьях. Кирилл тоже поведал новенькой несколько забавных историй из его жизни. Таня смеялась, прикрывая рот ладошкой. Первоначальное волнение, как ни странно, исчезло, с Таней было легко и весело и, казалось, можно говорить бесконечно и обо всем.

– Ну вот и пришли, – сказал он, опуская лыжи на снег.

В нескольких метрах виднелись редкие деревья.

Кирилл помог Тане справиться с креплением.

– Смотри, как нужно, палки попеременно ставишь впереди себя и отталкиваешься, – объяснял Кирилл девочке. – Я поеду впереди тебя, чтобы ты видела, что и как я делаю, и повторяй за мной, ладно?

– Хорошо, – согласилась Таня.

Плотно укатанная и утрамбованная лыжня начинала свой спуск с вершины холма плавно и неторопливо, а потом вдруг резко заворачивала в лес. Кирилл, ритмично отталкиваясь палками, старался идти небыстро, чтобы Таня не отставала. Она то и дело натыкалась концами палок на его лыжи. Оглядываясь назад, Кирилл видел, как она старается.

«Способная, – подумал он. – Первый раз на лыжах, а не отстает».

– Смотри, – крикнула Таня, – кто-то варежку потерял. Слева от лыжни на чистом белом снегу лежала красная варежка.

– Может, вернутся еще, – рассудительно предположил Кирилл и остановился, чтобы подождать Таню. – Устала, может отдохнем? – глядя на разгоряченное Танино лицо, спросил Кирилл.

– Да нет, я с папой в горы ходила, километров семь пешком шла и не уставала.

Лыжники двинулись дальше. Вскоре лыжня кончилась.

– Буду прокладывать путь, – приступил к делу Кирилл.

– Кирилл, а ты знаешь, как тучи плывут над горами? Я однажды такую тучу рукой ловила, – завела разговор Таня.

– И как, поймала? – обернулся Кирилл.

– Поймала, – засмеялась девчонка.

Лес становился гуще, появились огромные сосны с мохнатыми лапами, и Кирилл вдруг почувствовал неприятный холодок в груди. «Кажется, я не знаю этой дороги», – подумал он.

– Таня, – резко остановился Кирилл, – я не помню, как идти дальше.

Девочка растерянно посмотрела на «наставника».

– Ты хочешь сказать, что мы заблудились? – разволновалась она.

– Не знаю, давай попробуем повернуть назад и пойдем по нашей лыжне, – предложил Кирилл.

Начали сгущаться сумерки, и подул холодный ветер.

– Мы были здесь? – спросил Кирилл, показывая на видневшую впереди гору.

– Кажется, нет, – ответила Таня.

Парнишка стал лесенкой подниматься по снежной насыпи, «ученица» следовала за ним.

Спустившись с горы, они увидели знакомую лыжню. Кирилл облегченно вздохнул.

– Наконец-то, добрались, – обрадовалась Таня. – А вот и знакомая варежка, ее хозяин так и не нашелся.

До дома ребята добрались в сумерках. Кирилл проводил Таню и, попрощавшись, побежал к Кольке делиться впечатлениями.

На следующий день в школе Кирилл с Таней вспоминали лыжную прогулку, смеялись.

– Наверное, наш Кирилл влюбился, – шептала Милка Соколова своему соседу по парте Сережке Красикову.

– Идиллия! – согласился Сережка.

– Ой, Кирилл, я фотографии принесла, – доставая маленький альбом из кожаного рюкзачка, сообщила Таня.

– Классные фото, – одобрил Кирилл фотографии с пальмами, морем, на фоне которых стояла Таня с обезьянкой на плече.

– Может, завтра на дискотеку сходим? – запросто предложил Кирилл новенькой, когда они возвращались из школы домой.

– Давай сходим, – обрадовалась девчонка.

Дни для Кирилла летели незаметно. Они ходили на дискотеку, на выставку кошек, Кирилл побывал у Тани дома и познакомился с персидским котом – Баксом – и папой-полковником, который увлеченно рассказывал ему о новой модели американского автомата.

Гуляя в один из вечеров в парке, Кирилл рассказал подруге о волшебных конфетах и показал заветную коробочку.

– А можно мне тоже попробовать эти конфеты? – спросила Таня.

– Конечно, можно, – ответил он, протягивая две конфеты – красную и зеленую – и добавил: – Только не сейчас, а как-нибудь потом, ладно?

– Хорошо, я попробую, когда буду одна.

Кириллу казалось, что он знает Таню давным-давно.

Девочка умела слушать, пыталась дать ему какой-нибудь дельный совет или говорила о том, как бы она поступила в этой ситуации…

«Черт! – вспомнил Кирилл перед сном, – я же забыл, когда последний раз навещал Кольку, надо бы сходить».

Однако на следующий день они пошли смотреть новый фантастический фильм в кинотеатре.

Вечером Кирилл все же решил наведать старого друга.

– Кирилл? – удивилась Колькина бабушка. – Что-то тебя давно не было. А Коленьку выписали, завтра в школу пойдет.

Вышел Колька.

– Здорово, – сухо поздоровался он.

– Привет, как дела? – спросил Кирилл.

– Нормально. Спасибо, что хоть не забыл, зашел.

– Колян, дел полно, уроков до фига задают.

– Да ладно, не ври, мне Бандерлог все рассказал, как ты весело время проводил, пока я болел. Нечего вилять, влюбился, так и скажи.

– Ты что, совсем сбрендил? Я влюбился?! Ты в своем уме? Танька для меня, совсем как друг, – закончил он фразу и посмотрел на Кольку.

– Она тебе друг? Как с девчонкой можно дружить?! Выходит, что ты променял меня на нее, так получается?

– Ничего я не променял.

– Короче, я все понял, Кирюха, не надо объяснений.

– Ну ладно, я пойду.

Кирилла никто не задерживал. Он открыл дверь и тяжелыми шагами стал спускаться с лестницы.

«Из-за этой Таньки, какой-то девчонки, друга потерял», – горестно размышлял Кирилл.

Квартира встретила его темной пустотой. Мама была на дежурстве в больнице, отец – в очередном рейсе, Аня оставила записку, что пошла к Наташке. Кирилл бросил рюкзак на стол и, грубо оттолкнув радостно встречавшего его Ганнибала, сел в кресло, обхватив голову руками.

Кто-то позвонил в дверь. «Может, это Колька?» – мелькнула у Кирилла радостная мысль. Он побежал открывать. На пороге стояла Таня.

– Кирилл, ты забыл, что мы с тобой договорились встретиться в шесть часов у ворот парка? Я тебя ждала-ждала и решила сама зайти. У тебя что-то случилось? – спросила она, увидя опечаленное лицо одноклассника.

– Случилось, – кивнул Кирилл.

Никому бы другому он не рассказал о своей печали, но Тане почему-то решил поведать о ней…

– Понятно, – грустно произнесла девочка, – это я во всем виновата…

– Да нет, это не ты… это я, – пролепетал парнишка.

Со слезами на глазах гостья выбежала из квартиры и помчалась вниз.

– Таня, подожди! – выбегая за ней на лестничную площадку, крикнул Кирилл и побежал вниз.

«Ну вот, теперь еще и Танька обиделась», – с тоской думал Кирилл, выбежав на улицу и не увидев там одноклассницы.

Таня не пошла домой, а сев на запорошенную снегом лавочку, горько заплакала.

«Ну почему, почему все так получилось? – думала она, утирая катившиеся по щекам слезы. – Неужели девчонка не может стать другом?»

Опустив руку в карман за носовым платком, наткнулась на шелестящую бумажку.

– Волшебные конфеты Кирилла, – вслух сказала девочка и, развернув одну, положила в рот.

– Ой, что это? – успела вскрикнуть Таня и почувствовала, как бешеный вихрь закружил ее, перед глазами замелькали сотни разноцветных огоньков, и она испытала это ни с чем не сравнимое ощущение перевоплощения.

Через некоторое время на месте Тани на лавочке в парке сидела молодая девушка в длинном пальто и белой шапочке, из-под которой выбивались кудряшки пшеничного цвета.

«Какое странное ощущение», – подумала она, оглядывая себя. Достав из сумочки маленькое зеркальце, удивилась еще больше: «Неужели это я? Кирилл говорил, что конфеты могут превратить ребенка во взрослого человека, и наоборот, значит, я стала взрослой?»

Встав с лавочки, девушка пошла по аллейке и, увидев сверкающее разноцветными огнями здание кафе-бара, решила в него зайти.

В кафе играла тихая музыка, за столиками сидели влюбленные, несколько пар танцевали. Таня села за свободный столик у окна, заказав подошедшему к ней официанту кофе, и задумчиво посмотрела в окно.

– У вас свободно? – услышала Таня голос и, подняв глаза, увидела красивого молодого человека в черной куртке.

– Да, конечно, – смущенно ответила она.

Молодой человек сел напротив нее, заказав какой-то коктейль.

«Какие у него грустные глаза, – подумала девушка. – Наверное, у него что-то случилось».

– Что-то я вас здесь никогда раньше не видел, – заметив любопытный Танин взгляд, спросил молодой человек.

– А я никогда прежде здесь не была.

– Я когда-то часто тут бывал, – сказал молодой человек и, чуть помедлив, добавил, – мы сюда мороженое прибегали есть с другом Кириллом.

– А сейчас друг не составляет вам компанию?

– Мы с ним давно не виделись, поссорились из-за одной девчонки когда-то еще в детстве.

– Поссорились из-за девочки? Значит, это была любовь?

– Да нет, не любовь вовсе… Просто дружба.

– Тогда почему вы поссорились?

– Вам действительно интересно? – спросил молодой человек, внимательно посмотрев на Таню.

– Очень интересно, – ответила она.

– Ну, слушайте. Кирилл – мой лучший друг – пока я болел, подружился в классе с новенькой девочкой, кажется, ее Таней звали. Они вместе на лыжах ездили, на дискотеки ходили, гуляли в парке, так и подружились. Обиделся я на него тогда, что он меня променял на нее. На этом наша дружба и прекратилась.

Рассказ молодого человека показался Тане до боли знакомым, ведь то же самое случилось и с Кириллом. Колька обиделся на Кирилла за то, что он подружился с ней. Таня внимательно посмотрела на незнакомца, и тут ее озарила мысль: «Может, это и есть Колька, только взрослый?»

– Ну и что вы думаете об этом? – прервал ее мысли молодой человек.

– Я? – чуть помедлив, ответила Таня. – А что, разве с с девочкой нельзя дружить?

– Не знаю. Я считаю, что Кирилл предал меня, променяв на девчонку.

– Я с вами не согласна. Общение – это одна из важнейших сторон нашей жизни. В то время, пока вы болели, Кириллу было одиноко, ему не хватало вас, он общался с этой девочкой и в ее лице нашел того человека, с которым мог разделить свои невзгоды. Я не считаю поступок Кирилла предательством. Почему парни считают, что с девчонками нельзя дружить? Друг – в первую очередь тот, кто не только познается в беде, но и кто с удовольствием разделит радость, а кто он – девчонка или мальчишка – разницы никакой нет.

– Значит, выходит, что я сам виноват? – поднимая глаза на Таню, спросил молодой человек.

– Вы же даже не пытались сблизиться с этой девочкой и узнать ее получше, а сразу же категорично заявили, что из нее не может получиться хорошего друга. Зря вы так обошлись с Кириллом, старых друзей нужно беречь, – закончила Таня.

– Теперь я понимаю, – после паузы произнес он.

Теперь у Тани не было сомнения, что перед ней сидел взрослый Колька.

И действительно, это был Колька, который после ссоры с другом решил поразмыслить над ситуацией по-взрослому. Он долго бродил по улицам города и, увидев кафе, решил в него зайти.

– Ой, – вскрикнула Таня, посмотрев на часы, – времени-то уже сколько, девятый час, мне домой пора. «Завтра в школу», – чуть не сказала она.

– Можно я вас провожу? – предложил молодой человек.

– Пожалуйста, – ответила девушка.

– Мне с вами было очень интересно пообщаться, – сказал взрослый Колька, когда они остановились у подъезда кирпичного дома.

– Мне тоже, – улыбнулась Таня. – До свидания, Коля, – сказал она и зашла в подъезд.

– Коля? Откуда она знает, как меня зовут?

На лестничной площадке перед своей дверью Таня достала вторую конфетку и через несколько минут превратилась в девочку…

– Кирюха! – услышал Кирилл сквозь сон голос друга и, подумав, что это ему показалось, продолжал спать.

– Вставай, в школу опоздаем! – повторил голос снова.

Кирилл поднялся с постели и подошел к окну. Перед окном, задрав голову, стоял Колька.

– Колян! – Кирилл чуть не подпрыгнул от радости.

– Иду! – крикнул он и стал быстро натягивать на себя рубашку.

– Давай быстрей! – орал Колька, увидя выходящего из подъезда Кирилла. – Первый урок у Кошкалды, сам знаешь, что лучше не опаздывать.

Кирилл, заглядывая другу в лицо, не мог понять, что случилось с человеком, который только вчера был на него обижен.

– Так здорово, что ты выздоровел, – сказал Кирилл.

– А вон Таня идет, – заметив идущую по противоположной стороне Таню, добавил он и украдкой посмотрел на реакцию друга.

– Ты вроде говорил, что она классная девчонка? – весело спросил Колька. – Давай позовем ее?

Кирилл недоуменно посмотрел на друга. «Только вчера он был противником дружбы с девчонка ми, а сегодня его отношение к этому так резко изменилось. В чем причина?» – спрашивал он себя. – «Может, он над ней приколоться хочет?»

– Таня, привет! – окликнул одноклассницу Кирилл.

Таня остановилась.

– Это и есть твой друг Колька? – спросила она, – внимательно разглядывая мальчишку.

– А это и есть Таня? – вопросом на вопрос ответил тот и почему-то вспомнил вчерашнюю девушку в кафе, которая назвала его по имени.

– Кирюха мне рассказывал о ваших приключениях на лыжной прогулке, может, втроем заблудимся теперь, ты не против? – спросил Колька у девочки.

– Я с удовольствием, но не могу, моего папу срочно переводят в другой город, через несколько дней я уезжаю, – грустно ответила Таня.

– Как? – удивился Кирилл. – Вот это новость!

– Да, жалко, конечно, – разочарованно произнес Колька.

Несколько дней перед отъездом Тани они провели втроем: гуляли, даже успели немного покататься на лыжах.

– Я вам обязательно напишу, – высунувшись из окна поезда, кричала Таня провожавшим ее на перроне друзьям.

Когда хвост поезда скрылся в дымке, Колька, грустно вздохнув, сказал Кириллу: «А все-таки ты был прав, она классная девчонка, с ней стоило подружиться».

Мои враги – мое несчастье

Стук в стекло прервал сладкий сон Кирилла и заставил подняться его с постели.

– Кирилл, вставай давай! – услышал он знакомый голос Кольки.

– Ничего себе, уже двенадцатый час, – не веря глазам, сказал Кирилл, посмотрев на табло электронных часов, которые показывали половину двенадцатого.

– Колька, заходи, – свесившись в окно, крикнул Кирилл стоящему внизу с огромной сумкой другу.

Не прошло и минуты, как Кирилл услышал настойчивый звонок, а Ганнибал, заливавшийся лаем, скреб дерматин двери.

– Опять спишь? – недовольно сказал Колька, ввалившись в квартиру.

– Ну хоть в каникулы можно человеку поспать? – оправдывался Кирилл.

– Успеешь, выспишься еще, у тебя вещи собраны? Давай быстрей, а то на электричку опоздаем.

– Какой там выспишься, – недовольно пробурчал Кирилл, – неделя осталась до начала учебного года…

Через несколько минут из подъезда с огромными сумками вышли Колька с Кириллом и направились на автобусную остановку.

– До вокзала доедем за 10 минут, а там на электричку пересядем, – запихивая в автобус сумки и кряхтя, как старый дед, сказал Колька, поднимаясь по ступенькам.

– А бабуся твоя против не будет, что мы на даче погостим немного? – засомневался Кирилл.

– Она даже рада будет, вот увидишь, как обрадуется, скажет: «Помощники мои золотые приехали».

Кирилл поморщился: работать в каникулы, на заслуженном отдыхе, ему не очень хотелось. Видя недовольное лицо друга, Колька добавил: «Да не будем мы грядки полоть, так, для виду выдернем пару редисок и предадимся отдыху».

За окнами грохочущей электрички мелькал летний пейзаж: леса, поля, коровы, деревенские домишки, – и друзья в предвкушении отдыха и новых приключений весело болтали о том, как они будут проводить время на даче.

– Петровка, – услышали они знакомое название станции, и электричка, замедлив ход, остановилась напротив огромного поля с кукурузой, за которым виднелся маленький лесок.

– Пойдем, прибыли, – сказал Колька и, взяв сумку, двинулся к выходу.

– Ну и где же твоя дача? В поле, что ли? – обратился Кирилл к другу.

– Через поле дорога есть, пройдем немного через лес, а там наш дачный кооператив «Дачник». А в этом дачном кооперативе, в третьем проулке, стоит наша дача, – объяснил Колька.

– Да тут пока дойдешь, рухнешь совсем, километров пять, наверное, – недовольно пробурчал Кирилл, – а у меня еще сумка тяжелая.

– Не рухнешь! Через поле идти недолго, – успокоил Колька.

Действительно, казавшееся на первый взгляд большим расстояние друзья преодолели довольно быстро, минут за десять, и вскоре были у дощатого забора Колькиной дачи.

Возившаяся с цветами бабушка, увидя прибывших ребят, всплеснула руками и запричитала: «Работнички мои золотые приехали, проходите».

Колька посмотрел на Кирилла, подмигнул ему, дескать: «А что я тебе говорил? Так оно и есть».

Дача оказалась двухэтажной, не очень просторной, но уютной, с маленькой террасой, небольшим участком, окруженным выкрашенным в зеленый цвет дощатым забором.

– Идем, я тебе сейчас покажу свое логово, – Колька повел гостя вверх по деревянной лестнице на второй этаж.

Оборудованная Колькой комната действительно имела вид логова. На стенах развешаны плакаты, большая часть которых посвящена любимым хозяином кумирам-приколистам – Бивису и Баттхеду, а над спартанской кроватью висело авторское «высокохудожественное» произведение – портрет чудовища из фильма «Чужой». Рядом с кроватью, на тумбочке, стоял старый телевизор, на двери – дартс с воткнутыми в него несколькими разноцветными дротиками. В середине комнаты к потолку был подвешен гамак.

– Ух, класс! – падая на Колькину кровать, восторженно произнес Кирилл.

– Нравится?

– Еще бы! Вот здорово!

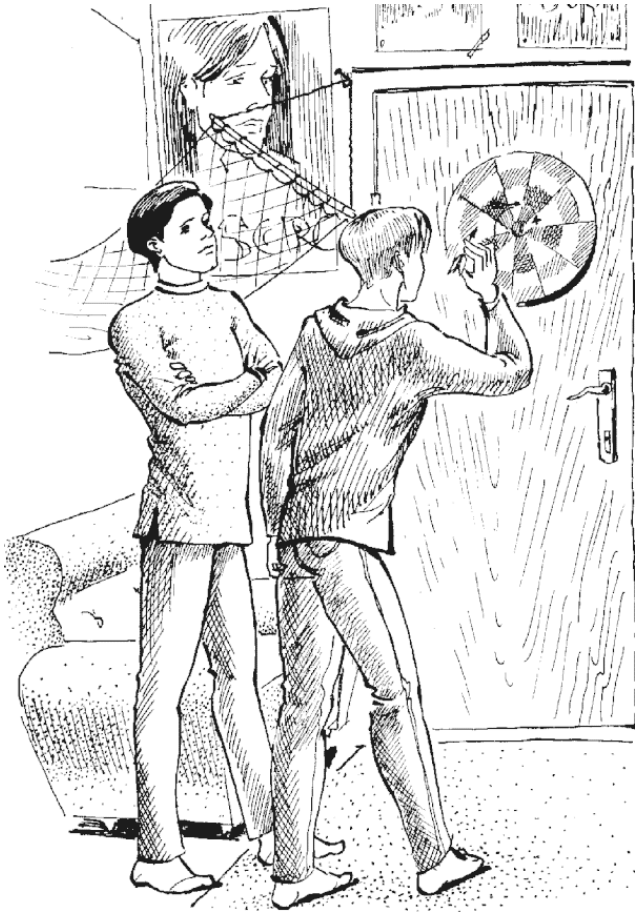
– Ладно, хватит восторгаться, пойдем лучше окрестности изучать, – предложил Колька, надевая сланцы.

Переодевшись в шорты и майки, наскоро перекусив молоком с булочками, испеченными бабушкой, и захватив с собой сигареты, друзья отправились на прогулку.

– Слушай, а пойдем до лешиного леса? – предложил Колька. – В детстве бабка мне рассказывала, что в этом лесу живет леший, его даже видели несколько раз, поэтому этот лес назвали лешиным. Все это, естественно, пережитки древности.

– А может, там еще и кикиморы живут? – засмеялся Кирилл. – Ладно, пойдем, посмотрим на владенья лешего.

Пройдя приличное расстояние по проселочной дороге, друзья увидели с горы густой сосновый бор.



До леса они добирались минут тридцать. Он оказался не таким густым, как показалось вначале. Земля была покрыта толстым слоем опавших иголок, и непонятно было, каким образом пробившись через этот слой, на ней росли маленькие голубые цветочки.

– Это и есть царство лешего? – поинтересовался Кирилл.

– Наверное, пойдем в ту сторону, – показал Колька рукой на извилистую дорожку, ведущую вглубь леса.

Дорога привела друзей на поляну, где когда-то росла трава с толстыми стеблями. Ее скосили, и теперь сухие стебли торчали вверх остриями.

– Это первое препятствие, которое готовит нам господин леший, – заорал Колька, – Кирюха, не сдаемся, идем дальше!

С огромными усилиями (острые стебли кололи даже через толстую резину сланцев) мальчишки вышли на огромный луг, напоминавший своим видом травяное море, по другую сторону которого тянулся высокий длинный бетонный забор с колючей проволокой наверху.

– А это и есть дом лешего! – радостно заорал Колька и, подняв с земли палку, стал колотить по забору, приговаривая: «Леший, выходи!»

– Ты что? Совсем сбрендил? Не видишь, какая дача? – показывая на огромную, видневшуюся через забор шикарную дачу из красного кирпича, остановил Кирилл друга. – Здесь, наверное, какая-нибудь крутизна обитает.

По ту сторону забора раздался грозный собачий лай, и мальчишеский голос громко крикнул: «Вы чего здесь делаете в моих владеньях? Собаку, что ли, спустить?» Из ворот, которые оказались совсем близко, вышел высокий мальчик в синей майке, шортах и бейсболке. Он презрительно оглядел не на шутку испугавшихся пацанов и, небрежно сплевывая на землю, спросил: «Ну и что будем делать?»

– Что именно? – переспросил Колька.

– Вы чего здесь шастаете? Своих дач мало? Пришли яблоки воровать?

– Какие яблоки?

– Обыкновенные! А ну валите, не то собаку спущу. Граф, иди сюда…

Появился огромный черный водолаз.

– Спокойно, – прошептал Колька Кириллу, – не делай резких движений, как я дерну тебя за руку, бежим, понял?

– Граф, видишь этих двоих? – обратился парень к псу, и тут Колька с такой силой дернул друга за руку, что он, подпрыгнув, кинулся бежать что есть мочи к лесу.

Сзади послышались громкий лай и звонкий голос кричавшего в спину друзьям незнакомца: «Держи их, Граф!»

Кирилл бежал с такой силой, что ничего не видел перед собой. Ветки хлестали по лицу, трава больно колола ноги. За Кириллом громко шлепал ногами Колька. Они миновали густые заросли, кубарем скатились в придорожную канаву и наконец выскочили на дорогу.

– Вот это да! Посмотрели окрестности, – отряхиваясь от травы и прицепившихся к одежде репьев, сказал Кирилл.

– Я думал, эта псина разорвет нас, – запыхавшись, ответил Колька, вытирая пот со лба.

Измученные быстрым бегом и сильно уставшие друзья добрели до дачи поздно вечером и, быстро поужинав, не раздеваясь, легли спать, обсудив перед сном ЧП.

До конца недели никаких приключений больше не было. Друзья купались в речке, загорали, ловили рыбу и под комариное жужжание варили на костре уху.

В воскресенье утром к даче подъехали «Жигули» Колькиного отчима.

– Эй, герои, собирайтесь домой! – услышали ребята сквозь сон раскатистый бас.

– Пора вставать, отчим приехал, – поднялся первым Колька.

– Как же не-о-хо-та домой, в школу, – сладко потянувшись, сказал его гость.

– Ну как время провели? – поинтересовался Колькин отчим у Кирилла.

– Да ничего, – ответил парнишка, ставя в открытый багажник сумку с вещами…

Через тридцать минут Кирилл был уже дома и, готовясь к школе, собирая школьный рюкзак, с тоской думал: «Лето кончилось, начинается серая обыденность».

Утром следующего дня все было, как обычно: мама не могла добудиться сына в школу, Колька бросал камешки в окно…

– Ты знаешь, – по дороге в школу поделился с другом Колька, – я вчера вечером Бандерлога во дворе встретил. – Он объявил, что в наш класс новенький пришел, интересно, кто такой?

– Привет всем! – ввалившись в кабинет английского языка, весело обратились ко всем Кирилл с Колькой. – Да здравствует первое сентября!

– Я слышал, вроде у нас прибавление? – обратился Колька к сидящему впереди Борьке.

– Вроде бы, – нехотя ответил тот.

Прозвенел звонок, и в класс вошла Кошкалда вместе с высоким мальчиком с короткой стрижкой.

– Это новый ученик – Слава Горин, спортсмен, прошу любить и жаловать, – представила Александра Даниловна парня, который был одет в модную толстовку и джинсы. Стоял он, вальяжно прислонившись к косяку, через плечо перекинув спортивную сумку.

При виде нового ученика у Кирилла булькнуло в животе.

– Тот самый, с собакой на даче, я его узнал, помнишь? – громко зашептал он Кольке, ткнув его локтем в бок.

– Точно, он самый, гад! Попался! – зло прошипел Колька. – Ну ничего, он еще попляшет у нас. Теперь он в наших владеньях.

До конца урока ничего интересного не произошло, Славу посадили у окна, за третью парту с Ленкой Гориновой.

На перемене было знакомство Славы с классом. Ребята окружили его и стали, как это обычно бывает, расспрашивать, откуда он, где учился и т. д. Только дружаны, отделившись от всех, сидели на подоконнике в туалете и обсуждали страшную месть, которую они устроят новому ученику.

– Помнишь, как он себя вел? Что будем делать? Он же собаку на нас натравил! – кипел Колька.

– Его надо подставить, – предложил Кирилл, закуривая третью сигарету. (Когда он нервничал, начинал много курить).

– Как подставить?

– Очень просто, – ответил Кирилл другу и, увидя входящего в туалет Бандерлога, который имел обыкновение появляться там, где его присутствие нежелательно, зашептал Кольке на ухо план мести.

– Чего это вы тут делаете? – окинув хитрыми глазенками друзей, спросил Бандерлог.

– А тебе какое дело? – зло ответил Колька. – Давай, кати отсюда!

На уроках новенький Слава вел себя тихо и дружелюбно и, как показалось заговорщикам, их не узнал.

– Тем лучше, что не узнал, – шептал наблюдавший за новеньким Колька, за что получал постоянные замечания от учителей.

Наконец-то случай осуществить свою месть настал. Кошкалда задерживалась на десять минут, и друзья подбили класс уйти с английского, который, кстати, был последним уроком. К счастью, хитрый Бандерлог заболел, и ничто не мешало ребятам осуществить свою затею.

Все без исключения подхватили идею предприимчивых мальчишек. Так как кабинет английского языка находился на первом этаже, то, не долго думая, все покинули его через окно, незаметно для тети Гали, всюду сующей свой нос старой гардеробщицы.

Выждав момент, когда все ушли, друзья пробрались в класс и под видом примерных учеников уселись за свою парту, ожидая Кошкалду. Вскоре по коридору послышались шаги, и в класс вошла Александра Даниловна.

– What's the matter? – обратилась учительница к сидящим Кольке и Кириллу.

– Чего это она говорит? – шепотом спросил Кирилл.

– А я откуда знаю?

– Я спрашиваю, что здесь происходит? Где все? – спросила учительница на русском языке, удивленная пустотой в классе.

Друзья облегченно вздохнули, увидев, что им не придется демонстрировать свои знания английского языка, которые, честно сказать, были далеки от совершенства.

– А это новенький Слава подбил весь класс уйти с вашего урока, – первым начал Колька.

– Как это подбил? – не поняла учительница.

– Ну, вы задерживались, а он и предложил всем уйти, – продолжил Кирилл.

– Понятно, – сказала Александра Даниловна строгим голосом. – Можете идти. Good bay. – И, громко стукнув дверью, вышла из класса.

– Ес! – радостно вопил один. – Наша взяла!

– Завтра ему зададут! – прыгая от радости по классу, орал другой…

На следующий день Славу с утра вызвали в кабинет директора, и на уроках его не было. Милка Соколова объявила всем: вызвали его родителей, был педсовет.

– Во влип! – радовался Кирилл.

– Так ему и надо, будет знать, как унижать других, – вторил ему друг.

Охваченные азартом мщения, друзья собрались у Кирилла дома и, закрыв дверь в комнату, обсуждали очередной план коварной мести.

– Так-так, значит, вот что случилось, – внезапно в комнату вошел отец, который, как оказалось, случайно слышал разговор дружков.

Кирилл заметно побледнел.

– Ну, влипли! – подумал он.

Но к великому удивлению Кирилла отец не стал выяснять подробности случайно услышанного разговора, а присел на тахту и, устало вздохнув, сказал: «Я случайно услышал ваш разговор, вы вроде бы мщение готовите злейшему врагу, правильно?»

– Ну да, – сказал Колька, пряча глаза от пристального взгляда Сергея Петровича.

– Не буду спрашивать о причинах, которые вас подтолкнули к этому, просто хочу рассказать вам случай из моей жизни, который научил меня по-настоящему ценить и понимать людей, даже тех, которых я считал своими противниками. Кстати, впоследствии они стали моими лучшими и преданными друзьями.

– Как это враги могут стать друзьями? – не понял Кирилл.

– А вот так, – сказал отец и продолжил: – Когда я был в таком возрасте, как вы примерно, был у меня друг – Костян Бык.

Кирилл с Колькой засмеялись.

– Это у него фамилия была такая, – пояснил отец.

– Так вот, мы с Костяном были друзьями, как говорится, не разлей вода. Так же, как и вы, уроки вместе прогуливали, на рыбалку ходили. А в соседнем селе жил один Сенька Воробьев, шебутной такой, в параллельном классе учился, проходу никому не давал – все его боялись. И вот однажды мы с Костяном брошенную лодку на берегу нашли, разваленную, дырявую. Целыми днями после школы делали ее: просмолили, покрасили; радовались, что у нас теперь есть своя лодка. А Сенька, узнав, что у нас есть лодка, отобрал ее силой, да еще натравил ребят из своего села.

Вот так и завязалась у нас война, а Сенька стал нашим злейшим врагом. Задумали мы отомстить ему. У него шалаш был в лесу, где он с друзьями собирался. Вот мы ночью этот шалаш подожгли. А ту лодку, которую он у нас отнял, утопили, чтоб ни нам, ни ему не досталась. Сенька сильно переживал и еще больше против нас ожесточился.

Однажды пошли мы с Костяном огородами в Сенькино село на речку купаться. Пока я на берегу раздевался, Костян в воду нырнул и поплыл на другой берег. А тут как раз Сенька идет с ребятами своими, ну, думаю, теперь нам с Костяном влетит. Сенька стал, как всегда,

выяснять, что мы тут делаем, ну, в общем, задираться. В это время крик Костяна раздался: «Помогите!» И этот Сенька, не раздеваясь, бросился в воду, подплыл к Костяну и вытащил его, тот, оказывается, в воронку попал. Вот так после этого происшествия подружились мы с Сенькой и его ребятами, не такой уж и плохой он оказался…

– А где этот Сенька сейчас? – спросил Кирилл.

– А теперь этот Сеня – мой лучший друг и напарник по работе – Всеволод Антонович.

– Как? Дядя Сева? – переспросил Кирилл.

– Да, он, – сказал отец и добавил: – Так что, ребята, подумайте хорошенько, прежде чем месть готовить врагам. Может, следует решить эту проблему по-другому, чтобы потом не сожалеть о содеянном, – закончил отец и, посмотрев на приятелей, вышел из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.